

МИХАИЛ
КЛИМОВ
ПРОСТРАНСТВО
СИЛА

Михаил Климов
Пространство сна

«Водолей»

2020

УДК 84 (1Рос=Рус) 6-5
ББК 821.161.1

Климов М.

Пространство сна / М. Климов — «Водолей», 2020

ISBN 978-5-91763-511-8

Михаил Климов – автор детективов и популярных «Записок антикварного дилера». Но он пишет не только об антиквариате. В этой книге две небольших повести. И обе о детях. Первая – как взрослые спасают детей; вторая – как дети спасают взрослых. Или наоборот... В общем, о нашей жестокой и одновременно прекрасной жизни...

УДК 84 (1Рос=Рус) 6-5

ББК 821.161.1

ISBN 978-5-91763-511-8

© Климов М., 2020

© Водолей, 2020

Содержание

Посмотрим, что можно сделать...	6
1	7
2	10
3	13
4	16
5	19
6	22
7	25
8	28
9	31
10	34
11	37
12	40
13	43
14	46
15	49
16	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Михаил Климов

Пространство сна

© М. Климов, 2020

© М. и Л. Орлушины, 2020

© Издательство «Водолей», оформление, 2020

* * *

Посмотрим, что можно сделать...

Автор выражает сердечную признательность работникам Центра лечебной педагогики и особенно *Л. Зельдину*, а также *И. Захаровой*.

Приношу огромную благодарность матери одной из пациенток Центра за разрешение цитировать ее подлинные письма, изданные ныне отдельной книгой. Они не только важны сами по себе, но и незаменимы для более точной характеристики героини повести.

1

Неизвестно, как с дураками, но с дорогами в России за последние века ничего не изменилось, поэтому «Кадиллак» пришлось оставить в самом начале Большой Социалистической улицы у ограды кладбища. Ирина с Серенькой и Надин переместились в один из джипов, а охранники уплотнились во втором. Замковская неприязненно оглянулась вокруг, равнодушно скользнула глазами по видневшейся среди деревьев серебряной луковке кладбищенской церкви, вздохнула.

Гриша, бригадир ее охранников, оставил одного из своих ребят, чтобы они вместе с шофером стерегли «Кадиллак», и терпеливо ждал хозяйку, используя паузу для перекура. Ирина кивнула ему, села в машину, и джипы тронулись в путь.

Для Большой Социалистической такая кавалькада была зрелищем небывалым. Нет, конечно, все местные жители видели такие машины и по телевизору, и на центральных улицах города, даже у Сеньки Косого из двенадцатого дома была сильно подержанная «Хонда», но... Чтобы вот такое – и прямо здесь?

Большие трассы проходили стороной, никто ни из отцов города, ни из новых русских здесь не жил, и даже местные бандиты были какие-то недотепистые. Все, кто мог что-то сообщать и делать, давно переехали, кто в центр города, кто в Москву, кто и в Берлин, а здесь остались только недоумки, для которых и «девятка» – роскошь...

Пока «Мерседес» и «Тойота», объезжая многочисленные ухабы и выбоины, ползли почти километр по улице, а длилось это не менее пятнадцати минут, новость облетела округу и народ высунулся весь, целиком, кроме тех, кто на работе, конечно. Кто-то открывал окна, кто-то прилипал носом к стеклу, а те, у кого квартира выходила во двор, выбегали сюда, на проезжую часть, и провожали или встречали машины глазами. Никто не мог понять, куда и зачем пожаловала такая роскошь с московскими номерами.

Лавруха из шестого дома высказал предположение, что «столичные» приехали, чтобы навестить чью-нибудь могилу на кладбище, на что жена резонно возразила, что кладбище – вон оно где, и совсем не надо было бы им ехать по колдобинам, а вполне могли остаться и на асфальте. Лавруха хотел было ее вразумить, но, посмотрев несколько раз осоловелыми глазами на кладбище, потом на машины, проезжающие уже мимо них, вынужден был согласиться.

Загадку «Почему этот, не джип, остался на асфальте, а не едет вместе со всеми?» решил Илюха, сын Сеньки Косого, шустрый паренек лет десяти. Наслушавшись от отца разных умных слов, он высыпал их целую жменю:

– Клиренс у «Кадиллака» низкий, к нашим дорогам неприспособленный. Он же кожных картера себе пробьет, если здесь поедет...

После этого все, кроме жителей домов в начале улицы, перестали обращать внимание на одинокую машину, а сосредоточились на двух джипах, которые продолжали перемещаться к неизвестной цели. По мере продвижения по улице вариантов оставалось все меньше. Машины, которые давно проехали кладбище, последовательно миновали небольшую авторемонтную мастерскую, магазин «Продукты», бывшую библиотеку, закрытую из-за отсутствия работников, бывший детский сад, закрытый три года назад по той же причине. Впереди оставались только больница и последний жилой дом.

И тут «Мерс», шедший первым, начал сворачивать к покосившимся от старости воротам, которые никто и никогда не видел закрытыми, но всегда перегороженными старой и ржавой трубой. На единственном гвозде болталась облупившаяся табличка, на которой с трудом можно было прочитать «...ская больница».

Из каморки у входа вышел тщедушный дедок и, почесывая затылок, уставился на солидных гостей.

Стекло «Мерседеса» опустилось, оттуда показалась крепкая рука и поманила дедка к себе. Он, замороженный блеском и мощью машин, пошел к окну, широко раскрытыми глазами глядя внутрь салона. Сходство с удавом и кроликом подчеркивалось еще и тем, что, кроме руки из окна, ничего видно не было. Казалось, сейчас дедок так и втянется туда, в черную глубину, и только разбитые и подвязанные веревочкой ботинки еще какое-то время будут торчать из отверстого зева.

Но рука, высунувшаяся из окна, только прихватила старика за нос и малость покрутила из стороны в сторону. Потом она указала на трубу и несильно толкнула его вперед. Дедок, потерявший всякую ориентацию в пространстве и времени, задачу свою все-таки выполнил успешно: затрусил к трубе и, выдернув ее из проволочных петель, приставил к ноге, как диковинную пику. Под подобострастным взглядом старика, видимо бывшего военного, машины въехали во двор.

Возле остатков колоннады главного корпуса шла своя больничная жизнь: кто-то в линялой пижаме хромал на костылях, кого-то везли на полуразвалившемся кресле-каталке, медсестра в некогда белом халате, как пастух, гнала перед собой нескольких больных с алюминиевыми судками для не ходячих пациентов. Облезлый пес, выскочивший навстречу процессии, принюхался к запаху пищи и, резко фыркнув, отбежал в сторону.

Старуха, приехавшая навестить то ли сестру, то ли подругу, во всяком случае соседка по скамейке выглядела не моложе ее, увидев черные блестящие машины, которые почти бесшумно вдруг возникли возле нее, выронила свою авоську, и красные яблоки раскатились по седеющей траве.

Все, включая облезлого пса, усталились на приезжих. Откуда-то из-за куста появилась Маша, местная сумасшедшая – худенькая и очень жизнерадостная женщина лет тридцати пяти – сорока. Она потрогала гладкую черную поверхность «Мерседеса» ладонью и сказала вслух:

– Кот огромный, очень страшный...

Потом увидела в полированной поверхности свое отражение, испуганно отшатнулась и поскакала то на одной, то на другой ноге по тому, что когда-то было дорожкой, выкрикивая:

– А кит был маленький домашний.

Из «Мерседеса» вышел человек, подошел к так и стоящей с открытым ртом медсестре и что-то негромко спросил у нее. Она очнулась, посмотрела на него, явно не поняв услышанное. Он повторил вопрос, и тогда она начала что-то торопливо объяснять ему, энергично жестикулируя. Охранник посмотрел по направлению ее жестов, которыми она указывала влево, за угол здания, потом на свой джип, покачал головой и подошел к «Тойоте», окно которой тотчас же открылось.

– Детское отделение вон там, за углом, – сказал он внутрь машины, – Но, боюсь, туда не проедем, там метрах в двадцати пяти дерево гнилое валяется, дорогу перегораживает...

– Хорошо, я сейчас иду... – послышался голос Ирины. – Скажи Грише, пусть возьмет кейс с документами.

Бригадир охранников уже стоял на улице с портфелем в одной руке и сигаретой в другой. Увидев выходящую Замковскую, он кивнул кому-то внутри «Мерса», и оттуда показался еще один здоровяк. Один спереди, один сзади, посредине охраняемая – они двинулись в обход здания больницы.

В коридоре пахло, как пахнет почему-то почти во всех российских больницах: неприятными лекарствами, отвратительной едой, нищетой и тоской. В одной из комнат, двери которой были открыты, группа детей и взрослых сидели за столом и пили чай.

– Очень вкусное шоколадное печенье... – громко и отчетливо сказала одна из женщин. – Кто хочет вкусное шоколадное печенье?

Маленький коротко стриженный мальчик с завистью смотрел на коробку. Он явно хотел лакомства.

– Ты, Вова, не смотри на меня так... – продолжила женщина, поймав взгляд ребенка, – ты попроси...

Один из детей на противоположном конце стола резко вытянул руку вперед ладонью вниз. Сидящий с ним рядом молодой парень в очках тут же начал поворачивать ее ладонью вверх, в «просящую» позицию. Получалось плохо.

Ирина, которая остановилась на несколько секунд, наблюдая эту сцену, передернула плечами и, брезгливо подобрав длинные полы шикарного пальто, пошла дальше по коридору.

Из соседней комнаты раздавались звуки пианино и громкое хлопанье. В небольшом зале, устланном старым ветхим паласом, на маленьких стульях сидели несколько мам в ожидании собственных чад. Они тихонько переговаривались между собой. В дальнем конце Ирина заметила дверной проем, возле которого на стене висела табличка с надписью, сделанная фломастером от руки: «Заведующий детским отделением Зуев Алексей Михайлович».

2

Хозяин кабинета оказался высоким сутуловатым мужчиной в толстых очках. Справа от стола через пустой дверной проем – самой двери не было – обнаружили посетители: почти в таких же очках неопределенного возраста мамаша, изнуренная неудавшейся жизнью бухгалтерша какого-нибудь завода и рядом с ней на стуле, безучастно вперив взгляд в пол, маленький, лет трех, мальчишка.

– Я же повторяю, – бубнила мамаша, – он ничего не видит, ничего не слышит, совсем не говорит. Смотрит только дурак дураком...

Она злобно покосилась на сына и вдруг резко дернула его за плечо. Тот совершенно безучастно перенес это «общение» и, как только оно прекратилось, замер в той же позе.

Ирина, с неприязнью глядя на эту сцену, нетерпеливо ждала, похлопывая перчаткой по руке.

– А вы его обнимите... – неожиданно сказал Зуев.

– Что? – не поняла мамаша.

– Попробуйте его обнять, прижать к себе, – терпеливо начал объяснять Алексей Михайлович, – положите с собой в постель, наконец...

Он встал, не замечая ни Ирину, которая, привлеченная неожиданными словами врача, поймала себя на том, что внимательно наблюдает эту сцену, ни ее охранников, тоже наблюдающих за происходящим, подошел к мальчику и погладил его по голове.

– А зачем? – настороженно спросила бухгалтерша.

Поначалу на движения Зуева никакой реакции у мальчишки не было, но врач продолжал ласкать ребенка и на третий или четвертый раз голова его под рукой доктора вдруг опустилась вниз, как бы кивнула.

– А затем... – Алексей не отставал, все гладил и гладил мальчишку, и тот вдруг поднял на него глаза и прижался щекой к белому халату. – А затем, что в этом возрасте ребенок – почти только тело и родители должны, обязаны с этим телом взаимодействовать, обнимать, ласкать его, тогда он чувствует, что не один и перестает бояться.

Мамаша недоверчиво смотрела на сына, такая реакция для нее была совершенно неожиданной. Она поправила очки, потом вдруг резко встала, подошла к мальчишке и схватила его за руку:

– Пойдем, придурок. – И, не оборачиваясь, потащила сына к выходу, бурча по дороге: – Лучше б таблетку какую дал...

«Придурок» оглядывался, он не хотел идти, смотрел на Зуева, который провожал его глазами и, когда мамаша с сыном скрылась за поворотом, просвистел тихонечко какую-то музыкальную фразу.

– Слушаю вас внимательно, – сказал он, опустив глаза и не глядя на Ирину, скорее просто обращаясь в ту сторону, где она стояла. – А где ребенок?

– В машине. – Замковская тоже была подавлена происшедшей сценой. – Почему она так?

– Не знаю. – Алексей покачал головой. – Я специализируюсь на детских болезнях, взрослые – не моя епархия. Пусть ваш ребенок будет здесь...

Ирина обернулась, кивнула Грише, тот показал глазами второму охраннику.

– Как вы считаете, доктор, ему можно было помочь? – настойчиво продолжила разговор Ирина.

– Ребенку всегда можно помочь. – Он снял очки, протер их. – С детьми всегда более-менее понятно, что делать... Беда с родителями.

– Вы это серьезно?

Он надел очки, поднял голову и впервые внимательно посмотрел на новую пациентку. Его глаза скользнули по дорожному пальто, тончайшей выделки перчаткам, поднялись на красивое лицо, скользнули по капризно изломанным губам, зацепились за недоверчивый взгляд.

– Уверен, – вздохнул Зуев. – Расскажите пока, что у вас случилось, и мы посмотрим, что можно сделать.

Замковская открыла рот, собираясь сказать что-нибудь сильно саркастическое, но, покачивая головой, не глядя, протянула руку, в которую Гриша вложил пухлую пачку бумаг, некоторые – на иностранном языке.

– Вот, здесь все написано. – Ирина протянула документы Зуеву.

Они так и стояли на пороге его кабинета.

– Это потом. – Он сунул бумаги под мышку. – Скажите своими словами. Что у ребенка: наследственность? Родовая травма? Шок?

– У него с рождения аллергия, – Замковская тяжело вздохнула, – а полтора года назад мы поехали отдыхать на Лазурный берег, и там летел пух. У Сереньки случился приступ, он стал весь синий и... – У нее опустились плечи, видимо, она заново переживала те события. – ...И умер.

Зуев хмуро поднял глаза, посмотрел на Ирину:

– И что с ним сейчас?

У него было еще много вопросов, например, почему надо было ехать отдыхать туда, где летит пух, и именно тогда, когда он летит, но сейчас он просто пытался отвлечь женщину от ее переживаний.

– Его спасли, – Ирина взяла себя в руки, – но он так и не вернулся...

В этот момент в коридоре показался охранник, несущий на руках Сереньку. В руках мальчик сжимал потрепанного плюшевого зайца без уха, и лица его не видно было из-за любимой игрушки. За ними с Серенькиной шапкой в руках шла моложавая пятидесятипятилетняя женщина. Это была его няня – Надин.

– Поставьте его на пол, – распорядился Зуев.

– Он не будет стоять, – раздался голос Гриши.

И по тому, как он это сказал, как заступился за Сереньку, стало ясно, что мальчонку любят и переживают за него не только родители, но и все окружающие. Но Замковская глянула на своего телохранителя, и он замолчал. Повинуясь ее взгляду, второй опустил Сереньку на землю, и тот моментально сложился пополам и, прижимая к себе зайца, затих.

– Заберите у него игрушку, – опять скомандовал Алексей.

– Вы напрасно это делаете, – теперь вступилась за сына уже сама Ирина.

Но кивнула, и заяц переключался в Гришины руки. Серенька тут же вскочил на четвереньки и, ни на кого не глядя, начал с бешеной скоростью носиться по комнате. Расплата пришла незамедлительно – он врезался головой в стул и, упав на бок, противно и протяжно завыл. Гриша, осуждающе взглянув на Зуева, вложил мальчику в руки зайца, и тот моментально затих.

– Вынесите его в зал, я сейчас вернусь, – сказал Алексей и быстро вышел из кабинета.

Он прошел через несколько комнат, глядя по сторонам. Чаепитие в зале давно закончилось, теперь несколько взрослых под музыку учили детей ритмично бить в бубен и передавать его затем соседу.

В другой комнате, положив девочку на одеяло и подняв его за углы, двое педагогов, раскачивая этот импровизированный гамак, скандировали:

– В поле гуляли трое гуляк,

– После прогулки делали так:

Они перестали раскачивать одеяло и начали резко встряхивать его:

– Апчхи, апчхи, апчхи...

Девочка испуганно смотрела на своих «мучителей».

В небольшом зале молодая женщина с грустными глазами, стоя на коленях, пыталась вести по комнате в разных по высоте подошв ботинках еще одну девочку, приманивая ее к себе:

– Иди, Бельчонок, иди ко мне...

Рядом с ними высокая красивая женщина, поразительно похожая на дочь, широко раскрыв глаза, глядела, как ее не ходячий ребенок пытается сделать первый робкий шаг.

– Вот так, Люда, – сказала женщина с грустными глазами, – маните ее, зовите, что угодно, но нужно уговорить ее выйти из ступора, нужно, чтобы ее что-то влекло к себе, чтобы она забыла о своих страхах и не боялась двигаться...

– А почему на коленях? – шепотом спросила Люда.

– А так мы с ней практически одного роста, – сказала женщина и вдруг улыбнулась – и больше шансов, что она не станет бояться...

– Света, – прервал ее Зуев, который уже несколько секунд наблюдал за этим зрелищем, – приготовь все, пожалуйста, для шариков и подойди к моему кабинету...

Из-за угла выскочил мальчишка лет семи и выстрелил в Алексея Михайловича из водяного пистолета. Тот, как подкошенный, повалился на пол.

3

– Основная проблема таких детей, – Зуев сидел в кабинете с Ириной, Серенька носился на четвереньках по ковру зала, чем доставлял матери немалые муки, – в том, чтобы они заметили, что что-то вообще существует.

Он видел, что Замковской совсем не нравилось то, что происходило с ее сыном, но не останавливал происходящее. Она должна была или принять или не принять новые условия, новую жизнь ребенка.

– Сейчас он ничего в этом мире не воспринимает, кроме своего зайца. Собственно, игрушка эта и есть для него весь мир...

Ирина удивленно оглянулась на него:

– А ведь вы правы...

Это был странный врач, он не ставил градусник, не смотрел документы, не расспрашивал ее дотошно о Сереньке. Но перед ее глазами все еще стоял мальчик, прижавшийся, как к родному, к этому врачу. И она пока терпеливо прощала ему и нищету этой больницы, и не очень чистый ковер, и то, что на него, похоже, не производили никакого впечатления ни ее охрана, ни изысканная одежда, ни она сама.

– И наша задача сейчас, – Зуев увидел в конце коридора Свету, кивнул ей, – найти что-нибудь, что могло бы вызвать у него интерес.

– Ничего, кроме зайца, – горько сказала Ирина, – уже больше года...

Алексей показал Свете на нарезающего по ковру Сереньку, та кивнула головой. В руках у нее был небольшой пластмассовый стаканчик и ножницы. Прикинув маршрут движения мальчика, она размешала что-то в своей посудине, потом опустила туда ножницы почему-то кольцами вниз. Затем, встав на четвереньки, неожиданно выдула из этих колец переливающийся всеми цветами радуги мыльный пузырь и аккуратно положила его на ковер прямо на пути ребенка. Все замерли.

Серенька в своем безостановочном движении пузырь не заметил и раздавил его, как грибок давит ослепительной красоты мухомор, выросший на его пути. Все задвигались, напряжение мгновенно спало, Гриша укоризненно повернулся к Зуеву, как бы говоря «Я предупреждал...».

Света выпрямилась, посмотрела еще раз на Сереньку, пытаясь предугадать его маршрут, и перешла на другое место.

– А почему мыльный пузырь? – шепотом спросила Замковская.

– Потому что он большой, безопасный, непривычный, живой, – начал тоже тихо перечислять Алексей Михайлович. – К тому же он лопается, а это дает дополнительный эффект. Мы пытались класть игрушки, но они не привлекают внимания, думаю потому, что слишком привычны.

– Но он, по вашим же словам, – возразила Ирина, наблюдая за новой попыткой Светы, – не видит ничего, кроме зайца... Какие игрушки?

– «Не замечает» не значит «не видит», – не согласился Зуев. – Я уверен, что он видит все, просто мир этот ему привычен и он не выделяет в нем никаких предметов. Должно быть что-то яркое и неожиданное...

Серенька опять снес пузырь и продолжил свое бесконечное движение. Здесь ему было вольготно, не то что в кабинете.

– Может быть, цветок? – вдруг предложила Ирина. – Или красивый фрукт? Манго или папайю, например.

– Фрукт не годится. – Алексей Михайлович удивленно глянул на нее. – Во-первых, жесткий, во-вторых, бюджет наш несколько ограничен.

– А цветы?

Зуев не успел ответить, потому что пятнадцатая или шестнадцатая попытка Светланы увенчалась успехом – Серенька, в своем движении, на этот раз не снес пузырь, а остановился как вкопанный прямо перед, или скорее даже над, ним.

Все, кто присутствовал при этом – Замковская и Алексей Михайлович на пороге кабинета, Света в нелепой позе на ковре, не одобряющая происходящее Надин в дальнем углу, охранники у обоих входов – замерли, затаив дыхание.

Несколько мгновений ничего не происходило, потом правая рука мальчика медленно протянулась к пузырю, и тот лопнул. В полной тишине все явственно услышали хлопок, хотя это, вне всякого сомнения, им только показалось.

Серенька отшатнулся, потом руки его подобрались и он устремился было опять вперед в свое бесконечное и бессмысленное путешествие, но на его пути опять оказалось блестящее и переливающееся чудо.

– Доктор, какие у нас перспективы? – не отводя взгляд от сына, опять шепотом спросила Ирина.

– Не знаю. – Зуев теперь отвечал нормальным голосом, словно не боялся спугнуть первую перемену в поведении Сереньки за последние полтора года. – Помните, в каком-то романе Стругацких по шоссе бесконечно ползут замечательные машины без водителя. И люди, залезая в кабину, видят огромную панель с множеством дырок. Известно, что если в эти дырки совать пальцы, то машины начинают реагировать, это какой-то способ управлять их движением. Но никто не знает, какие из них соответствуют каким действиям. Вот так и мы – современная наука знает только три-четыре взаимодействия.

Он жестом пригласил ее в свой кабинет.

– А вы?

– А я их вообще не знаю. – Он остановился у окна, устало потер виски. – Я просто смотрю, как эти машины действуют и стараюсь им помочь или помешать, если это представляет опасность. Знаете, когда вы вышли из дома за хлебом, а ближайший магазин закрыт, вы ведь ищите другой, где можно купить то, что вам нужно, а не выясняете причины, почему закрыт ближайший.

Оба охранника придвинулись и остановились у несуществующих дверей кабинета. Гриша ткнул в бок второго, имени которого Ирина не знала, и тот отодвинулся в сторону, чтобы она могла видеть сына. Оба, хотя по всем инструкциям должны были глядеть на охраняемую и бдить, все время посматривали на Сереньку.

– Хорошо. – Замковская села так, чтобы видеть и врача и сына. – Что вы нам порекомендуете?

– Думаю, что вам надо попробовать поводить Сереньку к нам, – ответил Алексей Михайлович, поворачиваясь от окна. – У вас есть где остановиться? Вы же, судя по всему, не местная...

– Вы его положите к себе? – Ирина не обратила внимания на две последние фразы Зуева.

– Нет, – он покачал головой, – ребенок, если это возможно, должен жить в семье. Пусть он дома так тоже играет, вы сможете это обеспечить?

Замковская повернулась к своему сопровождению, хотела что-то сказать, но няня, которую позвал Гриша, уже стояла на пороге.

– Надин, вы сможете обеспечить Сереньке, – сухо спросила Ирина, – то, чем он занят сейчас?

– А вы считаете, что это ему поможет? – саркастически отозвалась та.

– Этот вопрос мы не будем с вами обсуждать, – в голосе Замковской зазвучал металл, – меня интересует, сможете или нет?

Алексей с недоумением переводил взгляд с одной на другую. Видимо, ему просто не приходило раньше в голову, что и дома с ребенком может заниматься кто-то еще, кроме родителей.

– Как скажете... – Надин поджала губы. – Конечно, смогу, только где это все будет происходить? Мы возвращаемся в Москву?

– Я вам непременно сообщу о своем решении.

– Кто это? – почти испуганно спросил Зуев, когда Надин удалилась.

– Няня, – Замковская неприязненно махнула рукой, – кандидат медицинских и доктор педагогических наук. Тимофей нанял ее на работу уже три месяца, только толку не видно.

– А я думал, она француженка.

– Из Ростова, – хмыкнула Замковская. – Это мы когда в Париж Сереньку возили, она всем так представлялась, с тех пор и прилипло.

– И все-таки, – Алексей чуть наклонился вперед, – лучше, извините, не знаю вашего имени отчества...

– Ирина Николаевна.

– И все-таки лучше, Ирина Николаевна, – жестко закончил Зуев, – чтобы с ребенком играла не французская тетя из Ростова, – он почему-то произнес эти слова на французский манер, с ударением на последнем слове, может, хотел шуткой смягчить резкость? – а мать... Тетя тоже возможна, конечно, но в малых дозах...

Замковская вспыхнула, она не привыкла, чтобы ей давали указания, руки сжались непроизвольно, она поиграла желваками, пытаясь сдержать себя. Затем все-таки справилась с собой и повернулась к охране:

– Гриша, мы здесь задержимся на какое-то время. – Она посмотрела на разорванную ею только что перчатку. – Распорядись, пожалуйста...

4

К вечеру, часам к десяти, Ирина заскучала. Для всей их команды пришлось снять целый этаж в лучшей гостинице города. Один люкс она взяла себе, второй – отдала Сереньке с Надин. Одноместный для Гриши, двухместный для шоферов и еще один для четырех рядовых охранников – рассудив, что двое всегда будут ее охранять, а другие двое – отдыхать, она решила, что хорошего двухместного вполне хватит.

Почти всю мебель в двух люксах пришлось сменить, Замковская оставила только смешные тумбочки в коридоре и не стала трогать плетеные кресла на балконе – все равно холодно уже и на открытом воздухе сидеть вряд ли захочется. Еще одной обновкой в ее номере стал хороший телевизор с большим экраном.

Всю старую рухлядь, оставшуюся после этих перемен, директор гостиницы, получивший триста долларов в карман и обещание оставить в подарок все, когда они будут уезжать, куда-то вывез своими силами. Он еще попытался слупить с Ирины столик за перевозку, но она взглянула коротко на Гришу, тот еще короче на директора, на этих переглядах дополнительные директорские инициативы и закончились...

Замковская мысленно похвалила себя за то, что послушалась собственной интуиции и захватила с собой «дорожный комплект». За последний год они уже были с Серенькой и в Питере, и в Берлине, и в Париже, и в какой-то непонятной глухой деревне под Вологдой, где жила бабка-знахарка. Нигде ничего не помогло, но за это время сложился почти устойчивый «путешественный» быт – они уже ничего не собирали, вещи для поездок всегда лежали упакованными, да и люди, способные в любой момент сорваться на произвольный срок, Гришей подобраны.

Координаты этого странного врача где-то добыла Люська, жена Марика. Сама она здесь не была, но ее двоюродная сестра из Новосибирска знала одну женщину, сын которой упал с дерева и ударился головой об асфальт. Ну и так далее...

Поскольку большого выбора не было – или сюда, или в Берн, а Ирина давно разуверилась в обычных клиниках, хоть российских, хоть заграничных, то они с Тимофеем решили начать отсюда, поскольку здесь было и ближе и понятней.

Она пощелкала пультом, переключая каналы, потом выключила телевизор. Спутниковую антенну установят только завтра, сегодня не получалось никак – кто-то был выходной, а у кого-то рожала жена, в общем, как всегда в России, все было под рукой и одновременно абсолютно недоступно.

Может быть, съездить в город, найти какой-нибудь ночной клуб? Хотя что тут может быть в ночном клубе? Местные проститутки с такими же тусовщиками?

Она достала телефон, набрала мужа. Тимофей взял трубку после второго звонка, что означало, что он ждал у телефона. Или делал вид, что ждал.

– Тим, это опять я...

– Вы нормально устроились?

В трубке слышался знакомый блюз – значит, поставив любимый сидюшник, сидит в кабинете, работает. Или грамотно и точно имитирует, что сидит в кабинете и работает.

– Тебе прислать что-нибудь? – голос его звучал спокойно и уверенно, хотя она совершенно точно знала, что ему сейчас далеко не спокойно.

– Да нет, у нас вроде все есть... – Она непроизвольно оглянулась по сторонам, скользнула взглядом по стенам номера. – Пока во всяком случае...

– Может быть, позвонить губернатору?

– Знаешь, – вдруг сообразила она, – может, можно дорогу сделать поприличней к этой больнице? Улица называется Большая Социалистическая.

– Я скажу. Что еще?

– Вроде все.

– Ир... – сказал он и замолчал.

Повисла недлинная пауза.

– Что? – спросила Ирина, хотя прекрасно понимала, о чем именно он собирается спросить.

– Как ты думаешь, шансы есть?

– Не знаю, не хочу загадывать... – Она несколько раз повторила эти слова. – Не хочу, не хочу...

– А он кто, этот врач? – Тимофей как будто перевел разговор на другое, хотя, по сути, спрашивал о том же. – Педиатр, психолог, травматолог?

– Он сумасшедший... Все, Тим, завтра рано вставать... Целую...

Она просто прервала разговор под благовидным предлогом, потому что боялась в очередной раз сказать что-то, что могло бы поселить в них надежду. А потом – облом, как было уже много раз...

Если честно, положив руку на сердце, она уже почти совсем перестала надеяться на выздоровление сына. Страшный диагноз, состоящий из почти десятка латинских слов, по-простому означавших смерть почти половины головного мозга, с самого начала давил ей на психику, не давал разогнуться. А семь, нет, восемь неудачных попыток добиться хоть какой-нибудь перемены привели ее к почти полному отчаянию...

Надо отдать должное Тимофею, который терпеливо изо всех сил поддерживал жену и делал все, что мог, и еще чуть-чуть. Замковская сегодня хорошо знала, как много семей рухнуло, когда случилось такое или подобное несчастье с ребенком. Мужья просто бросали жен, не объясняя причины, и такими историями были полны все приемные всех больниц России, которых она за последнее время повидала немало. И хотя Ирина никогда в них не задерживалась – звонок Тимофея или кого-то из его друзей всегда выводил ее в особый ряд, но совсем не видеть и не слышать этого она не могла.

Она прошлась по номеру, потрогала простыни на постели – влажные... Пришлось включить обогреватель, предусмотрительно купленный вместе с мебелью. Вот глупость: второй, предназначенный для Сереньки, тоже остался здесь. Она подошла к двери, распахнула ее. Охранник, подпиривший косяк, тут же выпрямился.

– Как тебя зовут? – спросила Замковская.

– Евгений.

– Серенька спит, ты не знаешь?

– Да уж с полчаса не слышно там никого. – Охранник радостно закивал.

– А где Надин?

– В буфет пошла купить себе воды какой-то мудреной.

– Так в номере же есть минибар, – раздраженно сказала Ирина, хотя понимала, что Женя ни в чем не виноват.

– Она говорит – того, чего ей хочется – нету...

– Пусть зайдет ко мне, когда появится.

– Хорошо.

Она уже собралась закрыть дверь, когда услышала голос Жени:

– Ирина Николаевна, – как-то робко, почти испуганно сказал он, – тут такое дело, к вам женщина пришла...

– Какая женщина?

Замковская все еще злилась на всех и вся из-за этой идиотки. И где только Тимофей ее нарыл? Кандидат, доктор, еще чуть-чуть и академик... Воды ей персональной нет в мини-

баре. Тетя́ из Ростова́ – она мысленно произнесла эти слова, подражая Зуеву с ударением на последнем слого.

Тапочком бы тетку прихлопнуть, но Тима ей верит... Интересно, свои дети-то у нее есть? За три месяца так никто и не удосужился узнать...

– Ну... – мялся охранник, – она вам сама, наверное, лучше объяснит...

– А где она?

Из глубины коридора выступила на свет совершенно незнакомая женщина лет тридцати.

– Вы точно ко мне? – недоверчиво спросила Замковская.

– К вам... – В голосе женщины слышались слезы.

– Ну, заходите, – скривилась Ирина.

Они вошли в номер. Замковская села в кресло, не приглашая гостью сделать то же самое:

– Слушаю вас.

– Вы меня сегодня, Ирина Николаевна, уволили с работы, – произнесла женщина и замолчала.

– Я? Вас? – не поняла Замковская. – Да я вас никогда в жизни не видела!

– Сегодня, – женщина всхлипнула. – Мы распаковывали ваш багаж...

И тут она вспомнила. Горничная была в косынке и фартучке, поэтому Замковская ее сразу не узнала. Да, точно, она уронила ее косметичку и Ирина потребовала от директора увольнения нерадивой работницы.

– Вы разбили зеркальце в моей пудренице, – жестко сказала она, проклиная в душе охранника, который допустил эту несчастную сюда, к ней, – ценою двести восемьдесят долларов. Как я должна к этому относиться?

– Простите меня, Ирина Николаевна, – опять всхлипнула женщина и добавила совсем по-детски: – Я больше так не буду...

– Бог простит, – поставила точку Замковская. – Принесите мне эти деньги, и я тогда подумаю, что с вами делать. Евгений, – позвала она охранника, – проводи даму на выход.

5

Прошло несколько дней. За это время Ирина почти выгнала с работы Надин. Единственное, что еще удерживало «тетю из Ростова» на месте – то, что Тимофею присоветовал ее какой-то важный чин из правительства, которому она приходилась дальней родственницей, и избавляться от нее (на что Тима уже почти согласился) надо было вежливо и печально.

Вопрос об изгнании встал после того, как няня категорически отказалась, как она выразилась, «пускать пузыри». Пару дней она пробовала этим заняться, но Серенька почему-то ее «изделия» игнорировал. То ли еще не привык к новым объектам, то ли сама Надин была ему несимпатична, только он дома, в гостинице, или лежал со своим зайцем, или бессмысленно нарезал по новому, специально для этого купленному большому ковру.

Его (ковер) выбрала Надин, сказав, что на старом гостиничном уже вся шерсть вытерта и пузыри не ложатся на нее, а сразу лопаются. Замковская считала, что это пустая отговорка, каприз, потому что все прекрасно ложилось, но спорить с «тетей» она не стала, ну ее...

Когда же на третий день та просто отказалась заниматься «этой ерундой», сказав, что нанималась к ребенку няней, а не клоуном, Ирина хотела ей выдать все, что о ней думает, но сдержалась, закусив губу. Она попросила Гришу выделить ей кого-нибудь для занятия «ерундой», но тот взял все на себя и быстро нашел с Серенькой «общий язык». А вечером позвонила мужу с просьбой убрать эту идиотку от нее и сына. Тимофей пообещал подумать, как это сделать, потому что ссориться с ее родственником в правительстве не хотел.

Серенька в больнице беззаботно носился за пузырями. Радовало то, что делал он это как-то почти «осмысленно», меняя ритм и направление, и можно было даже, немного напрягшись, представить себе, что не было этой злополучной поездки на Ривьеру и клинической смерти. А просто сын придумал себе такую забаву и играет с переливающимися шарами в какую-то свою детскую игру.

Уже за одно это можно было быть благодарной странному доктору. Зуев всю неделю был страшно занят, внимания ни Ирине, ни Сереньке почти не уделял. В больницу понаехали человек двадцать каких-то людей, они надели халаты и ходили за Алексеем Михайловичем, слушали объяснения, кивали и записывали.

Замковская поначалу пристроилась за ними, но быстро поняла, что понимает только процентов тридцать из того, что слышит, и вернулась на свой пост в зале возле кабинета Зуева. Здесь Света с Серенькой уже который день занималась изготовлением и уничтожением «сверкающих чудес».

Замковская зевнула. Здесь, в этом городке, она почему-то приноровилась спать, но все ей было мало, и днем она постоянно зевала. В зал быстрым шагом вошел Алексей Михайлович, посмотрел на ставшую привычной картину: Серенька со Светой на полу, два охранника, Надин чуть поодаль, Ирина в кресле. За ним появилась полная пожилая женщина в застиранном белом халате.

– Светлана, – позвал он, – подойди ко мне, пожалуйста.

Света встала, Серенька продолжил свое движение, моментально потерявшее даже видимость смысла.

– Да, Алексей Михайлович.

– Там у Наташи приступ, сходи к ней, тебя Матрена Григорьевна сменит здесь.

– Хорошо.

Зуев зашел к себе в кабинет, взял со стола и протянул женщине красную пожарную машину. Она кивнула, деловито посмотрела по сторонам, определила направление движения Сереньки и засемила ему наперерез.

– Почему вы забрали у нас Свету? – тут же подошла к нему Замковская. – У них уже прочный контакт, это – неправильно.

– Потому что у одной из наших пациенток – припадок, – начал объяснять Зуев, стараясь вывести их общение из эмоционального плана в смысловой, – а ей может помочь лучше всех Света, у них... Как бы это вам попонятнее объяснить? В общем – неважно, важно то, что для Сереньки сегодня еще не имеет принципиального значения, кто с ним играет, это придет позже...

Он смотрел мимо плеча Ирины на мальчика, который красную машину признавать не захотел и либо пронесился мимо, либо просто, не видя, сбивал игрушку, и она отлетала в сторону.

Матрена, которой, наверно, было тяжело каждый раз вставать и ложиться, просто ползала за ним по ковру. Внезапно Серенька, видимо, довольно серьезно зацепился ногой за машинку, ему стало больно, он упал на бок и противно завыл. Один из охранников тут же подскочил к нему и сунул в руки зайца. Ребенок затих.

Матрена посмотрела на Зуева, тот кивнул, тогда она, укориженно взглянув на охранника, забрала у Сереньки игрушку, и тот снова, уже успокоившись, отправился в свое путешествие. А Матрена, взяв со скамейки стаканчик с мыльной пеной, начала чередовать – пузырь, машинка. Пузырь, машинка, пузырь. Машинка, пузырь, пузырь. На пятый или седьмой раз Серенька опять наткнулся на машинку, упал и заплакал.

– Зачем вы это делаете, Алексей Михайлович? – вступилась за сына Замковская. – Это же издевательство...

– Несколько дней назад мы, Ирина Николаевна, – Зуев вздохнул тяжело, сколько раз он уже пытался объяснить это, ну пусть даже не ей, – попробовали сделать так, чтобы ваш сын заметил, что мир существует. И сделали крохотный шаг в этом направлении. Сегодня мы хотим ему показать, что мир – разный...

– Но ему же больно...

– Не уверен. – Алексей покачал головой. – Я думаю, он плачет не от боли, а от разочарования, а это вполне человеческое чувство.

– Вы – очень жестокий человек! – почти выкрикнула Ирина.

– Наверное.

Он подозвал Матрену Григорьевну, пошептал ей на ухо. Она кивнула, вышла и быстро вернулась, держа что-то в руке. Затем опять села на пол и начала мудрить над машинкой.

– На что вы надеетесь, доктор? – зло спросила вдруг Замковская. – Вы же видели документы, томограмму, рентген – у Сереньки поражена большая часть мозга...

– Да, я знаю и помню. – Алексей Михайлович смотрел через плечо Ирины, ждал, пока Матрена закончит свои манипуляции с пожарной машиной. – Но это не всегда означает конец...

– Что вы имеете в виду? – насторожилась Замковская. – Чего вы хотите добиться? Чтобы он мог ходить, а не только бегать на четвереньках?

Зуев кивнул, не раскрывая рта. Рядом с ними неожиданно оказалась Надин, замерла прислушиваясь.

– Чтобы он мог есть за столом, как нормальный человек, а не тянуть жидкую кашу или пюре?

Алексей опять кивнул.

– Чтобы он мог играть с другими детьми? – все больше распалялась Ирина. – Сидеть за партой? Разговаривать?

Она наступала на Зуева, заталкивая его в собственный кабинет. Один из охранников угрожающе приблизился.

– И еще чтобы он пел, – невозмутимо заговорил Алексей, – рисовал, учился в школе, а потом в институте... Я не говорю, что он все это сможет, я говорю, что мы попробуем его всему этому научить.

– Но ведь у него поражены речевой, часть двигательных, зрительный и прочие сенсорные центры! – Замков-ская уже почти кричала.

За ее спиной удовлетворенно кивала головой Надин.

Зуев обошел свой стол с другой стороны, взял с полки какую-то папку, пролистал, протянул Ирине:

– Вот, прочитайте, пожалуйста, Ирина Николаевна, – примирительно сказал он. – Это письма мамы одного из наших пациентов. У нее гораздо более тяжелый случай был, чем ваш. Прочитайте, вам будет полезно...

Ирина отвернулась к стене, закусил губу, чтобы не заплакать:

– Что вы понимаете? – тихо спросила она. – Как вы можете судить, у кого какой случай? Это только мать может почувствовать...

– А потом, вы что, чудотворец? – неожиданно вмешалась Надин. – Как вы собираетесь получать ваши результаты? Святым Духом?

За ее спиной раздался какой-то звук, и все обернулись. Серенька, прервав свое путешествие, как замороженный смотрел на проезжающую мимо него красную пожарную машину. Распластавшаяся в нелепой позе, Матрена Григорьевна тихонько тянула ее за привязанную веревочку.

– Ехали медведи на велосипеде... – радостно продекламировала неизвестно откуда появившаяся Маша. – А за ними раки на хромой собаке...

Из двери высунулся мальчик и выстрелил в нее из водяного пистолета. Сумасшедшая, радостно взвизгнув, упала на пол.

6

Джип-«Мерседес» тихонько подпрыгивал на кочках, объезжая новые канавы и кучи щебенки и песка. Ремонт, а если быть честным, строительство новой дороги шло и днем и ночью. Ирина не знала, на какие рычаги нажал муж, кому и сколько он заплатил, но работа шла полным ходом.

Она погладила лежащего рядом на сиденьи Сереньку. Только что, всего какой-нибудь час назад, Гришины бойцы едва не разгромили всю больницу. Серенька впервые, после неоднократных попыток Матрены Григорьевны среагировал на машинку, он уже тянул к ней свои руки, когда вдруг появилась эта сумасшедшая, а за ней вбежал идиот и выстрелил из своего дурацкого пистолета. Ирина рванулась вперед, оттолкнула дебила, но было уже поздно – Серенька отдернул руку и пустился опять в свое путешествие. Матрена Григорьевна бросилась защищать недоумка, закрыв своим телом, Ирина обняла сына, а Гриша схватил старуху... И все это под дикий хохот безумной Маши и мерзкие улыбочки Надин.

Руки Замковской непроизвольно сжались. Эх, если бы не Зуев, уж она бы врезала тогда этому недоумку по самое-самое... Она подняла голову и внезапно увидела придурка справа перед собой. Держась за руку какого-то вдребезги пьяного «пейзана», дебил испуганно смотрел на огромное черное и сверкающее чудовище, медленно проплывавшее мимо него.

– Ты, Ванька, папу слушай, – говорил «пейзан», покачиваясь не то от ветра, не то от тряски, вызванной проезжающими мимо двумя тяжелыми машинами, – отец плохого не скажет... Будешь делать, чего тебе доктор говорит, будешь кушать осьминогов и не водовку пить, а...

Что Лавруха, а это был тот самый человек, который недавно выдвинул предположение о том, что джипы приехали на кладбище, предпочитает «водовке», Ирина так и не узнала, потому что джип почти миновал пьяноту с его отпрыском, да еще кто-то из дорожных работяг включил отбойный молоток. Она, брезгливо поморщившись, нажала на кнопку и закрыла окно.

Зуев встрял в самую середину назревающей схватки. Хотя какая там схватка, исход ее был предрешен: двое здоровых тренированных мужчин против команды «Лямбда» – старухи, сумасшедшей и близорукого доктора. Но тренированные отступили, оставив поле боя за недоделанными.

– Ирина Николаевна, давайте договоримся...

Алексей начал говорить нарочито спокойно, как будто ничего не произошло. Спокойно, но настойчиво и безапелляционно. Он взял ее под руку, взглянул на свой кабинет без двери и повел в коридор. Один из охранников остался с Серенькой, а Гриша двинулся за ними.

– Вы никогда, подчеркиваю, никогда не будете вмешиваться в наши программы с другими детьми...

– Но этот сумасшедший со своим пистолетом уже всех достал, – возмутилась Замковская. – Серенька заметил машинку, он уже руку к ней тянул...

– Алексей Михайлович, – обратилась к Зуеву молоденькая медсестра, – тут к вам пришли...

За ее спиной была видна целая семья: мама, папа и маленькая симпатичная девочка с розовым бантом на голове.

– Подождите пару минут, пожалуйста, – попросил доктор. – Если ваш сын заметил машину один раз, – он опять повернулся к Ирине, – значит, с большой вероятностью это случится снова, а вот сильный испуг для другого ребенка может оказаться фактором необратимым. Вы меня поняли?

Замковская, которую по большому счету совсем не интересовал другой ребенок, закусила губу, но все-таки нашла в себе силы кивнуть.

– И еще я хотел объяснить вам, на что я надеюсь. – Зуев смотрел все время на новую девочку, а она молча разглядывала доктора. – Человеческий мозг – это такая странная штука, что при поражении одной его части другая берет на себя функции первой. Так бывает не всегда и даже не очень часто, но все же бывает. Так что вам есть во что верить...

Он повернулся к вновь прибывшим:

– Девочка никогда не разговаривала?

Мама с папой, пораженные, глядели на него. Первой, как это часто бывает, очнулась женщина:

– Никогда, ну, конечно, кричала в детстве... А вы – волшебник?

– Нет, – грустно усмехнулся Алексей Михайлович. – Просто я вижу, что у ребенка нет проблем с движением, глаза вполне осмысленные, лицо подвижное, не боится ни людей, ни врачей... Но поскольку вы ко мне, значит проблемы есть, а раз молчит в незнакомой обстановке, скорей всего – с речью...

– Нам лор к вам посоветовал обратиться, – вступил отец, – из второй поликлиники. Мы были на приеме у него, но, как он сказал, «с аппаратом» у Лилечки все в порядке...

– Понятно, – кивнул Зуев, – пройдите, пожалуйста, ко мне в кабинет, посмотрим, что можно сделать...

Вся процессия развернулась и двинулась обратно.

В зале все шло своим чередом. Охранник охранял, Матрена тянула машинку, Серенька ее не замечал, Надин саркастически улыбалась.

– Лиля, – вдруг сказал Алексей Михайлович, остановившись перед входом в свой кабинет и показывая в зал, – принеси мне, пожалуйста, вон тот красный пластмассовый кубик.

Девочка, проследив за его рукой, повернулась, уклонилась от пронесшегося рядом Сереньки, прошла к полке с игрушками, взяла кубик и принесла Зуеву. Он внимательно наблюдал за ее поведением.

Родители сели на стулья, стоявшие вдоль стены кабинета, усадили дочь рядом. Она деловито залезла в мамину сумку, достала небольшую куклу и принялась с ней играть.

Почти минуту длилась пауза, ни одного звука, кроме Серенькиного сопения и его же глухого стука коленями и локтями по ковру так и не было слышно.

– Подождите нас минутку, – вдруг попросил Алексей Михайлович, взял Лилю за руку и собрался выйти из кабинета, но на пороге обернулся и, улыбнувшись ее маме, сказал. – Вы осторожнее на этот стул садитесь, если не собираетесь еще детьми обзаводиться. У нас кто на это место ни сядет – обязательно забеременеет... А если мужчина – значит, жена его сподобится...

Напряжение спало, и родители Лили с любопытством смотрели по сторонам. Похоже, не только шутка, но и точно поставленный Зуевым диагноз вселил в них надежду.

Серенька нарезал по ковру, а Замковская вдруг почувствовала, что смертельно устала за эти дни. Нет, не физически, наоборот, ей по большому счету не хватало движения здесь, она даже начала подумывать, не начать ли бегать по утрам.

Почему-то она вдруг поняла, что совершенно измоталась морально, в душе поднималось тупое отчаяние, и она находила все меньше и меньше сил, да и желания, чтобы бороться с ним. Она понимала все слова Зуева, особенно сказанные сегодня, но понимать и чувствовать, особенно для женщины, редко совпадающие понятия. Больше всего доканывали ее одинокие вечера.

Ирина прозвонила, наверное, не одну сотню долларов за эту неделю, болтая с Тимофеем и московскими подружками, но, кроме Сереньки, ничего в ее жизни не происходило. Муж ее рассказы об успехах сына внимательно выслушивал и просил держаться, но оба понимали, что успехи эти скромные. Подругам она вчера уже не звонила, вдруг надоело выслушивать фальшивые сочувственные слова и рассказы о насыщенной московской светской жизни.

Зуев вернулся один.

– Лиля пока поиграет там с куклами, – сказал он.

– А что все-таки с ней? – осторожно спросил папа. – Вы уже понимаете, в чем проблема?

– Мне кажется, – Алексей задумался, – что она просто боится проявить свою эмоциональность. Такое бывает с детьми.

– Вы думаете, ее кто-то испугал? – неуверенно спросила мама.

– Скорее всего... Но, боюсь, мы никогда не узнаем – кто. Как-то так застроилась ситуация, что она, ее личность, почему-то решила, что за эмоцию наказывают, и замолчала...

– Так что же теперь делать?

Зуев собрался ответить, но в этот момент за их спинами вдруг установилась настолько звенящая тишина, что все в кабинете обернулись и тоже замерли. Серенька неподвижно стоял над маленькой красной машинкой и рассматривал ее. Потом он протянул руку, схватил этот непонятный предмет и прижал его к себе.

7

Тимофей позвонил, когда они уже почти подъехали к стеклянному входу в гостиницу:

– Как вы там, Иркин? – спросил он.

– Мы тут ничего, – бодро ответила Замковская, сын в последний момент поднял ей настроение, – едем домой, почти приехали.

– Как Серенька? – опять спросил муж.

– Достигнуты определенные успехи. – Ирина усмехнулась. – Ты давай Лазаря не пой, говори чего надо. Я же вижу, что ты не просто так звонишь...

– У тебя дальность зрения? – заворчал Тимофей. – За четыреста верст она, видишь ли, все видит... – И вдруг сказал нормальным голосом: – Нужно, чтобы ты приехала на несколько дней.

– Что-то случилось?

– Нет, просто первый зам премьера летит в Италию, – Замковская вдруг совершенно отчетливо увидела, как муж привычным движением дергает себя за мочку уха, этот жест свидетельствовал о том, что он считает себя виноватым, – я – в группе сопровождения, а поскольку встреча протокольная, положено быть с женами.

– Это не просто, Тим. – Она покачала головой и погладила Сереньку по голове, хорошее настроение не проходило. – У нас тут только-только с места сдвинулось...

– Выбора нет, Иркин... И потом, лечение прерывать не обязательно – оставьте пару бойцов для охраны и Надин. Или ты ей совсем не доверяешь?

Ирина уже вышла из машины и искала глазами «тетю». Та, по счастью, была далеко:

– Знаешь, здесь, похоже, столкнулись две школы, как у Свифта.

– И с какого конца, по-твоему, надо разбивать яйца?

– Я, похоже, становлюсь поклонницей местной традиции, – засмеялась Ирина и добавила вполголоса, – придумай, Тимчик, пожалуйста, что-нибудь, чтобы я ее вывезла отсюда и она осталась в Москве.

– Постараюсь. Может, устроить ее к дочке Айзенбургов? Знаешь анекдот про новых русских и слона?

– Нет.

– Ну, когда один говорит другому, что у него есть слон офигенный, сам на горшок ходит, газету из ящика приносит и воров ловит. Тот говорит: «Продай». «Да нет, – отвечает первый, – не хочу». «Пятьсот тысяч», – говорит второй. «Даже и не думай», – это говорит первый. Короче, дождал один другого, купил слона за лимон. А через день звонит и в голос орет: «Ты что мне продал? Он мне все комнаты загадил, мебель антикварную вдребезги разнес, теща в ванной второй день дрожит и выходить отказывается». А первый говорит: «Ну, с таким настроением ты от него никогда не избавишься».

– Смешно. – Ирина все еще стояла на лестнице у входа, Гриша, как всегда, рядом. – Но Айзенбургов все-таки жаль. Они, конечно, очень противные, особенно она, но не до такой же степени... Да и Машенька не виновата, что у нее родители – такие зануды.

– Ладно, что-нибудь придумаю.

Замковская зашла к Сереньке в номер, поцеловала спящего сына. Он лежал в привычной позе, сжимая вечного зайца, но ей показалось, что что-то все-таки изменилось, может, поза, или дыхание, или... Она знала, что обманывает себя, но не стала приводить себя в чувство, а отдалась ему.

Все так же почти блаженно улыбаясь, Ирина отмахнулась от Надин, которая рванулась к ней, доказывая что-то, вернулась к себе в люкс и забралась с ногами в кресло – чем бы заняться?

Она включила телевизор. Показывали местную программу: маленький кругленький человек, с заплывшими от жира глазами, рассказывал историю о том, как его после автокатастрофы выходили монахини Козмодамиановского монастыря. Монастырь, в котором в советское время располагались служебные помещения близлежащего санатория, виднелся за его спиной.

– Все помещения санатория «Солнечный», – распинался маленький и толстенький, – мы, мэрия, единогласно решили передать монастырю, как незаконно построенные на его землях...

Пожилая монахиня с большим крестом на груди стояла тут же, глядя в землю.

На других каналах ничего интересного тоже не оказалось. Замковская поначалу обрадовалась, увидев и услышав ведущих «Серебряной калоши», но быстро поняла, что этот выпуск – старый, позапрошлогодний, и она смотрела его уже два или три раза. Даже вновь увидеть себя с Тимофеем в зале среди зрителей не хотелось.

Она оставила телевизор, приглушив звук, просто как фон, взяла стопку журналов, лениво пролистала. Потом сообразила, что уже делала это вчера. Книги, которые прислал Тимофей, тоже читать не хотелось. Ирина подошла к минибару, налила себе холодного шампанского.

Ого, у нас появилось «Перье». Так вот, оказывается, какую минералку искала Надин... Ну да, а чем мы не француженки? Можно представить, какую выволочку она устроила директору, если тот где-то добыл эту нечастую в русской провинции воду. О том, сколько он поставит в счет, надо будет поставить в курс «тетю» и пригрозить вычестить из ее зарплаты.

Замковская снова устроилась в кресле, и тут ее взгляд упал на принесенную Гришей пачку бумаг, которые дал ей сегодня Зуев.

Вот и занятие... Давненько она не выполняла домашних заданий. И что же тут для нас интересного и полезного? Замковская открыла папку, взяла первую страницу и уткнулась в текст:

«И, как всегда, на любые изменения в жизни Машка реагирует положительно; первую неделю, даже дней десять-одиннадцать, хорошо спала и сама какала. И все. Сегодня тринадцатое января, и какашки приходят только по вызову».

Что за бред? Она пролистнула несколько страниц:

«Месим полмиллиона маленьких пробок в тазу. Откуда они у нас только взялись. Кроликов очень любит играть с пробками. Если оставить таз – обязательно к себе притянет...»

Какая-то чушь. Кто такой Кроликов?

«А сегодня, когда у нее полилась собственная струйка – она схватилась за нее руками и чуть не упала. Она в первый раз заметила, что у нее тоже бывают такие журчащие струйки».

Ирина брезгливо отбросила в угол листы бумаги. Какая-то странная, прямо патологическая заикленность на моче и фекалиях у автора... И Зуев хорош, зачем подсунул ей эти записки?

Замковская опять прошла к холодильнику, добавила себе шампанского, взяла сочную грушу из вазы на столе, потом передумала и сделала себе бутерброд с икрой. Икра гораздо больше подходит к шампанскому, чем груша...

Но ведь что-то же Алексей Михайлович имел в виду... Она вздохнула, собрала с пола рассыпавшиеся листы и опять забралась с ногами в кресло. Надо попробовать с самого начала.

Как оказалось, это были копии писем, которые писала женщина из крохотного городка в центральной России. Писала в больницу к Зуеву, Матрене, Свете и еще какой-то Алине. Первое письмо от последнего отделяло шесть лет. За это время женщина-автор несколько раз приезжала сюда для консультаций и поддержки.

Ее дочь, которую она звала то Машкой, то Манькой, а чаще всего в мужском роде – Кроликовым, была больна какою-то непонятной для Ирины болезнью. Над заголовком «Письма из Энска» карандашом было написано «Синдром Ретта» и Замковская почему-то поняла, что это и есть диагноз.

И эти письма были подробной, день за днем, а иногда и час за часом, хроникой борьбы за дочь, борьбы с болезнью, с собой, с отчаянием, с глухотой окружающих.

«Лекарств не пьем, только витамины. Затмения случаются примерно два раза в день. После ночного и после дневного сна. Страшные и глубокие, как никогда раньше. Как будто много маленьких стягиваются в один большой. Во время приступа она даже может пытаться взять протягиваемый ей кусочек хлеба. Но она ловит воздух пальчиками, взять не получается. Теперь, как только начинается затмение, я беру ее на руки и, крепко прижимая к себе, читаю ее любимые стихи ритмично».

Замковская прочитала первую страницу, дошла до строчки «Машка, в знак особого расположения к человеку, морщит нос. Это надо заслужить», поняла, что сейчас разрыдается, и отложила бумаги.

Ночью она долго ворочалась и никак не могла заснуть.

8

Наутро Ирина привычно заняла свое место в зале, ожидая продолжения вчерашнего действия и очередных, пусть небольших, но все же побед сына. Кроме того, ей нужно было улучшить момент и переговорить с Алексеем Михайловичем, чтобы он выделил Свету или Матрену Григорьевну для занятий с Серенькой, пока она будет отсутствовать.

Но Зуев неожиданно сам позвал Ирину в кабинет и усадил напротив себя.

– Что-то случилось, Алексей Михайлович? – спросила Замковская, поглядывая в зал, где все заняли свои привычные позиции.

В руках у нее была новая пара тонких перчаток, которую пришлось достать из чемодана взамен порванных. Она похлопывала ими по левой руке, подчиняясь какому-то своему внутреннему ритму, и ритм этот был довольно нервным, скорее джазовым, чем классическим.

– Да перестаньте смотреть, что там происходит с вашим сыном, – смеясь сказал Зуев. – Вы уже поняли, что никто ничего плохого ему не сделает. Расскажите-ка лучше о себе, как вы проводите свой день? Точнее утро и вечер, потому что дневные часы проходят на моих глазах...

Ирина подозрительно посмотрела на доктора. С чего это он вдруг заинтересовался ее свободным временем? Попытка ухаживания? Но Алексей совершенно спокойно, явно без задней мысли, ждал ответа, перебирая бумаги на столе. Замковская вдруг почувствовала себя обескураженной, даже, пожалуй, немного расстроенной. Ну, сейчас она ему задаст:

– Я здесь почему-то просыпаюсь рано, но не встаю сразу, лежу в постели, размышляю над разными предметами. Потом встаю, иду в ванную, окна моего номера расположены на четвертом этаже, а выходят на пустое пространство, поэтому я гуляю у себя не совсем одетая...

Она мельком глянула на Зуева, чтобы проверить его реакцию и увидела изумленные глаза и открытый рот. Ирина остановилась, сделала паузу, жалко все-таки человека, не стоит его добивать...

– А какое отношение все это имеет к Сереньке? – удивленно спросил Алексей Михайлович.

– Не поняла... – осеклась Ирина.

– Местоимение «вы» было употреблено мною, – Зуев уже, похоже, откровенно издевался над ней, – в форме множественного числа, а не единственного. Меня интересует режим дня Сереньки, что вы с ним делаете до того, как приходите сюда и после больницы, вечером.

Или не издевается и спрашивает всерьез?

– Понимаете, для него сегодня, – продолжал Алексей Михайлович, – одна из главных задач – обрести какую-то твердую опору в реальности, наработать стереотипы, которые помогут ему постоянно соотносить себя с миром. Пусть это будет неосознанно, на уровне реагирования, но будет...

Ирина вдруг подумала, что, возможно, Зуев таким длинным текстом протягивает ей руку помощи, делает вид, что никакой глупой бестактности она не допустила, дает возможность сделать их разговор нормальным общением врача с матерью больного ребенка.

– И как этот режим может выглядеть? – она приняла эту помощь.

– Вы, например, кормите Сереньку до или после того, как меняете ему утренний памперс?

– Как когда, – растерялась Замковская. – А что, это имеет значение?

– И немалое. А игры с пузырями, а теперь с машинкой – проводятся до или после вечернего кормления?

– Не знаю, – опять растерялась Ирина.

– Это не очень хорошо, Ирина Николаевна. Мы ведь здесь только показываем, где вход и как открыть дверь, а войти в нее и идти дальше вы должны сами... Процентом восемьдесят, если не девяносто лечения и воспитания приходится на дом, семью.

– Я поняла, – робко сказала Замковская. – Я постараюсь...

– Сначала нам удалось объяснить Сереньке, что мир существует, сейчас, когда он, наконец, заметил машинку, он начинает познавать, что мир – разный. – Зуев говорил тихо, очевидно не хотел, чтобы охранники в зале слышали его слова, которые внешне выглядели как поучения. – Но закрепить эти его открытия можно только дома и только постоянным кропотливым трудом... Вы прочли то, что я вам дал вчера?

– Не до конца. – Ирина почувствовала себя как школьница, не приготовившая урок. – Я начала читать, но потом что-то задумалась...

– Прочтите, – сказал вдруг Алексей Михайлович просительно и сразу перестал быть похожим на школьного учителя, – Мне кажется, что это может быть для вас очень полезно. И интересно.

Замковская мелко закивала головой, потом вдруг спросила:

– А что дальше, доктор? – Она впервые с момента своей глупой фразы подняла глаза и посмотрела на Зуева. – Когда Серенька поймет, что мир – разный. Вы отнимете у него машинку, чтобы он понял, что мир – злой?

– Идея неплоха... – Алексей грустно улыбнулся. – Но, к сожалению, эту истину никому объяснять не нужно – мы ее всасываем с молоком матери. Но дальше мы действительно будем у него машинку отнимать.

– Зачем? – оторопела Ирина.

– Вы знаете, любое простое действие всегда имеет много смыслов. Обернитесь, пожалуйста.

Замковская обернулась и увидела сына, который лежал на ковре, прижимая одной рукой к себе зайца, а другой – красную пожарную машинку. К нему направлялась Матрена Григорьевна с явным намерением что-то у него отобрать.

– Вы видите, Серенька новую игрушку уже полюбил, она стала «его» вещью, приобрела для него сверхценность. И если эта сверхценность вдруг начнет от него уезжать, а Матрена Григорьевна будет ее от него именно откатывать, а не отбирать, что может произойти?

– Горе, – выдохнула Ирина, – Серенька будет горевать от того, что у него отнимают любимое. И это может его травмировать.

Зуев вздохнул, покачал головой. Гриша в зале внимательно смотрел за тем, что происходит в кабинете, пытался услышать разговор, но не мог.

– Я иногда думаю, – расстроено сказал Алексей Михайлович, – что начинать помощь детям надо все-таки с родителей. Ну, Ирина Николаевна, ну подключите, пожалуйста, голову, перестаньте руководствоваться только инстинктами, как бы благородны они ни были.

– Ну... – неуверенно сказала Ирина, – он поймет, что она движется.

– Bravo. Серенька поймет, что мир живой, раз ему свойственно движение. Что еще?

– Еще он, чтобы вы там ни говорили, – упрямо сказала Замковская, – все-таки почувствует горе.

– Это мы уже проходили. Что еще?

– Ну...

Ирина замолчала, беспомощно глядя на Зуева. Он посмотрел на нее, внезапно протянул руку и забрал лежащую на столе пару новых перчаток. Замковская инстинктивно дернулась за ними.

– Ну? – нетерпеливо сказал Алексей.

– Он захочет вернуть себе игрушку, – обрадовалась Ирина, – он попробует ее забрать обратно...

– И Матрена даст ему такую возможность, – продолжил Зуев. – А потом опять отнимет. И будет делать это здесь, а вы – дома, до тех пор, пока он научится ее не брать, а катить к себе.

– Он почувствует, что может чем-то управлять, применять свою волю к чему-то, – догадалась Ирина.

– Не только, – Алексей Михайлович радостно улыбался. – Он начнет играть, то есть делать тот совершенно бессмысленный набор действий, из которого только и появляются все смыслы.

– А дальше?

– А дальше мы посмотрим, скорее всего попробуем научить его катать машинку не только от себя к себе, но и вокруг себя.

– Зачем?

– Ирина Николаевна, – взмолился Зуев, – мне надо идти, у меня здесь не только ваш сын, а еще почти полсотни пациентов.

Замковская расстроено покачала головой, потом сосредоточилась:

– Алексей Михайлович, мне надо уехать на несколько дней. Распорядитесь, пожалуйста, чтобы Матрена или Света заменили меня на это время, тем более что я хочу увезти с собой Надин.

– Но я ими не командую, – растерялся Зуев. – Когда их рабочее время закончено, они – свободные люди. Попробуйте договориться частным порядком. И, я вас умоляю, займитесь Серенькиным режимом.

– Хорошо, – кивнула от дверей расстроенная Замков-ская. – Я сегодня дам указания Надин.

9

Из Италии Ирина просто сбежала, самым позорным образом ретировалась. Она с того момента, когда вдруг ее захлестнула волна тоски, протерпела еще полсутки, но уже днем Тимофей, вырвавшись с заседания, посадил ее в машину, обиженно поцеловал на прощание, сам не поехал, вечером были еще две встречи, а она к ночи была в Милане, а рано утром в Москве. Ритм, живший в ней весь день, не оставил ее и сейчас, Совершенно выбившаяся из сил, она уже подъезжала к городу, решая, куда сначала – в больницу или в гостиницу.

Тоска напала на нее на площади в Пизе у знаменитой падающей башни. Башня как башня, стоит, наклонилась... Они попали сюда ночью, другого времени просто не было, а приятель Тимофея, экспансивный итальянец, смертельно оскорбился, узнав, что они уже третий раз в Тоскане и никогда не видели одно из... нет, неправильно, главное чудо света. Они с женой почти насильно усадили Ирину с мужем в машину, ехать оказалось действительно недалеко.

Картина получилась причудливой, охрана терпеливо топталась в стороне, зато двое итальянских полицейских пристально наблюдали за странной группой. В группу входило пять персонажей – две семейные пары и знаменитая башня.

Итальянец, упиваясь ролью благодушного хозяина и всезнающего гида, разглагольствовал об истории и современном состоянии «чуда», рассказывал несмешные анекдоты, жаловался на то, что пизанцев по всей Италии никто не любит. Его жена, выглядевшая лет на десять старше мужа, откровенно скучала и по привычке строила глазки Тимофею. Тот терпеливо улыбался и делал вид, что происходящее его страшно интересует.

А Замковская, глядя на белый силуэт башни, чуть подсвеченный прожекторами снизу и слегка освещенный луной сверху, вдруг поняла, что еще минута и она завоюет и вцепится в седые виски благообразного итальянца. Потому что она зачем-то здесь и слушает этот напомаженный и никому не нужный бред, а не там, где Серенька, продираясь сквозь полную темноту, пытается понять, почувствовать, поверить, что мир существует...

Когда они ехали обратно, Ирина что-то сбивчиво говорила мужу, пытаясь объяснить, что с ней происходит, но он, похоже, ничего не понял, а просто поверил ей и, хотя и расстроился, отпустил. Тем более что протокольная часть уже завершилась и настоятельная надобность в присутствии Замковской отпала.

Время клонилось к вечеру, и Ирина решила, что с ванной успеет и позже, а забрать Сереньку с занятий лучше все-таки самой. По почти готовой и очень красивой дороге, в начале которой, правда, уже намечались выбоины, машина подкатила к воротам. Здесь шоферу пришлось немного вильнуть, чтобы не задавить спящего прямо на асфальте Лавруху. Очевидно, герой был отправлен женой за Ваней, но сил дойти не хватило и он упал по дороге. А может, наоборот, спал здесь с самого утра.

Замковская, отметив про себя, что «Тойота» стоит во дворе и, значит, Серенька здесь, шла ставшей уже привычной тропинкой вдоль корпуса, думая о том, что, когда строители закончат с улицей, неплохо было бы вызвать их сюда. Распилить и увезти упавшее дерево, положить асфальт на дорожках, покрасить бордюрные камни, чтобы были видны издалека и пациенты с плохим зрением о них не спотыкались.

В детском отделении все ее уже знали, здоровались за версту, посматривали с любопытством. Она повернула за угол к кабинету Зуева, откуда уже издалека слышался какой-то шум, и замерла на пороге зала. Гриша, шедший сзади, едва не ткнул носом в ее макушку.

Ни Надин, ни охранника, ни Матрены, ни самого Сереньки в зале не было. Не было даже привычного ковра. Были: человек пять детей и столько же, возглавляемых Светланой,

взрослых, которые занимались тем, что мешали детям ходить по ими же самими проложенной дорожке.

Дорожка была обозначена разноцветными пластмассовыми пирамидками, поставленными через каждые полметра и очерчивающими широкую полосу, идущую по периметру комнаты. Взрослые парами стояли по краям этой полосы, держа на весу длинные пластмассовые палки. Когда кто-то из детей, двигавшихся по дорожке, достигал пары взрослых, те поднимали палку сантиметров на двадцать – двадцать пять, провоцируя ребят преодолевать препятствие.

Детям это занятие, похоже, нравилось, во всяком случае, в стоящем гаме преобладали радостные и веселые ноты. Внезапно толстый мальчик в синем свитере не смог поднять ногу на нужную высоту и наступил на палку. Та не выдержала его веса и с громким треском сломалась. Все замерли, мальчишка втянул голову в плечи, ожидая, что его сейчас будут бить или еще как-то наказывать. Ирина, хотя и была расстроена и раздражена пропажей своих, тоже внезапно втянула голову в плечи, как будто провинилась она и наказывать сейчас будут ее.

Пауза длилась несколько секунд, а потом раздался... смех. Начал высокий парень в очках с зеленой авторучкой в кармане, затем к нему присоединилась Светлана, за ней вступили все остальные, и скоро хохотали все, а громче всех – сам виновник происшедшего. Ирина тоже облегченно заулыбалась и сквозь общий смех спросила Свету:

– А где наши?

– Серенька стал более управляемым, Ирина Николаевна, – ответила та, все еще улыбаясь, – ему теперь не нужно так много пространства, и Алексей Николаевич перевел его в маленький зал.

Ирина оглянулась по сторонам, Зуева нигде не было видно.

– А где... этот маленький зал?

Сначала она и сама не понимала, о чем хотела спросить, но в последний момент точно определила тему.

– Сюда в эту дверь, потом направо до конца коридора, а там на второй этаж и еще раз направо.

– Они там с Матреной машинки катают? – спросила Ирина.

– С Матреной, – согласилась Света, – катают...

По губам ее скользнула странная улыбка. Но Замковская не заметила этого, двинувшись на поиски сына.

Она шла по коридору, заглядывая в кабинеты и думая о том, что, кроме двора, кабинета Зуева и «большого» зала, в этой больнице не видела ничего. В одной из комнат, дверь которой была открыта, ее поразили несколько огромного размера кукол, сидящих по стенам.

Большие куклы сегодня можно было купить где угодно, особенно всяких забавных животных, но эти были похожи на людей и сделаны, видимо, по бедности, местными умельцами из подсобного материала – старых халатов, наволочек, штопаных колготок и немислимых шляп. Впечатление они производили абсолютно сюрреалистическое.

Каждая имела свой характер – рыжая, с волосами из пакли, была явно вздорной, блондинка с поролоновыми волосами – жеманной кокеткой, а черненькая, похоже, с лошадиной гривой – смиренной и послушной. Возле рыжей стояла неговорящая девочка Лиля с неизменным бантом и сосредоточенно докрашивала тряпичные руки куклы в ярко-красный цвет.

Замковская с Гришей поднялись на второй этаж, повернули, как им и велела Светлана, направо и уже видели открытую дверь «маленького» зала, когда из нее вдруг с грохотом выпал Серенькин охранник и замер в нелепой позе на ковре.

Гриша выхватил из кобуры пистолет, мгновенно отодвинул Замковскую в сторону и мягкими кошачьими движениями, неожиданными для такого крупного тела, двинулся вдоль стены к залу.

Но лежащий охранник вдруг открыл один глаз, увидел Ирину и начальника и резко вскочил на ноги. Он, смущенно улыбаясь, рукавом вытер какую-то влагу с лица, и Замковская успела живо представить, как же от него должно вонять, если он так потеет. Но тут из двери вылетел с водяным пистолетом в руках и радостной улыбкой на лице Ванечка и умчался по коридору, и стало понятным и падение охранника, и вода на его лице.

Гриша укоризненно покачал головой, убирая оружие, потом ткнул тяжелым кулаком под ребра охраннику, но видно было, что он не сердится и «ругается» только для проформы.

Ирина, которая даже не успела испугаться по-настоящему, отодвинула обоих и шагнула к дверям. Из комнаты с помпезным для ее размеров названием «маленький зал» слышался очень знакомый голос, издававший то непередаваемое на бумаге сочетание звуков, которым во всем мире обозначают звук работающего мотора автомашины – что-то вроде «вррр…» или «бррр…».

Замковская сделала еще шаг вперед, перед ней открылась часть «зала» с переехавшим сюда ковром, и она увидела лежащие на полу ноги в дорогих колготках, которые явно принадлежали Надин.

10

Ноги эти дернулись и переместились немного вправо. Потом одна подогнулась и, сверкнув краем розовых панталон, переместила тело вперед.

Замковская стояла, в полном смысле этого слова разинув рот. Столь экстравагантное поведение всегда чопорной Надин и так вызвало у нее сомнение в достоверности происходящего, а тут до нее начало доходить и то, что эти самые «вррр...» или «бррр...» также имеют прямое отношение к «тетé».

Все попытки Ирины увезти ее с собой несколько дней назад успехом не увенчались. Тимофей так ничего и не смог придумать, а реплики вроде «Надин, мы с вами уезжаем в Москву» немедленно парировались вопросом: «Вы меня увольняете?»

Растерянная Ирина, памятуя просьбу мужа, отвечала: «Конечно, нет...», на что следовало сакраментальное «Тогда я должна быть с ребенком...» Тут уж возразить было просто нечего.

Замковская вынуждена была согласиться и оставить Надин на посту, строго-настрога наказав ей, что главной остается Матрена, а не она. «Тетя» поджала губы, но Ирина объяснила ей, что, раз они здесь, в этой больнице, проходят курс лечения, то в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Тут она позволила себе значительную жесткость или даже резкость, сказав, что, хотя Надин и является няней, определять, что должно происходить с ребенком, будут все-таки родители.

И вот сейчас тетя лежала на ковре, сучила ногами и издавала звукоподражательные междометия. Если бы это была Матрена Григорьевна, сомнений ни на мгновение не возникло бы – играет с Серенькой, но Надин? Ирина целую минуту стояла на пороге, приходя в себя, потом все-таки сделала шаг.

Чудо имело место быть – тетя, лежа на ковре, тянула к себе пожарную машинку, вырывая ее из рук Сереньки. Он сердился, не отдавал. Чуть подальше в глубине комнаты сидела Матрена Григорьевна, клеила что-то из бумаги и руководила процессом:

– Ты не резко, не резко, ты плавно тяни, – говорила она, глядя над очками. – Не надо мальчонку пугать, расстроить можно, а пугать не следует... И говори ему чего-нибудь ласковое...

– Так ты же сама все время говоришь, – каким-то странным, не своим голосом сказала Надин. – Мне и слова вставить не получается...

Тут Матрена подняла глаза, увидела в дверях потрясенную Замковскую, улыбнувшись, отложила свое рукоделие и двинулась к ней. Тетя, повернувшись за своей новой подругой, тоже увидела Ирину и помахала ей рукой. Что-то было в глазах Надин такое, что Замковская нахмурилась, потом посмотрела на присутствующего здесь охранника, но тот уставился в пол.

– Она же пьяная! – Замковская возмущенно повернулась к Грише. – Ты видишь, Григорий?

– Ну чуть-чуть, – примирительно сказала Матрена, она в этот самый момент подошла к дверям, – самую малость...

Ирина задохнулась от возмущения:

– Да как вы... Да что же это?

– Но я же за ней присматриваю, – удивилась старуха. – И потом, она мальчонку любит, вон, как у них хорошо дело пошло... Может, еще шажок сделаем.

Дело у них действительно шло, Серенька недоуменно, как казалось, смотрел на машинку, потом хватал ее и прижимал к себе. Кто из них, Матрена или Надин, придумала – неизвестно, но каждый раз, отнимая игрушку, тетя оставляла на виду веревочку, за которую ребенок мог

притянуть машинку к себе. Пока это не срабатывало, но лиха беда начало... После внушения, полученного от Матрены, Надин начала шептать что-то невразумительное, но явно ласковое...

– Что вы с ней сделали? – несколько успокоившись, спросила Ирина, – никогда не видела тетю в таком состоянии...

Старуха явно не поняла про тетю, но, улыбаясь, пожала плечами.

– Давно это с ней?

– Да, вроде, третий день, – прикинула Матрена Григорьевна. – Сначала она мне рассказывала, какие мы тут все недоумки, книжек не читаем и новым методам не обучены, а потом я в гостиницу пришла, выпили мы с ней малек, она тут заплакала и раскололась...

– В смысле?

Замковская с Матреной, оба охранника так и стояли в дверях «маленького» зала, наблюдая за Серенькой и «расколотой» тетей.

– Несчастливая она баба, – прокомментировала старуха, – всю жизнь хотела детей, а Бог не дал. В молодости дважды беременная была, да выкинула оба раза. Муж ее бросил, неплодную, она и подалась в науки... Своих детей нет, надо чужим помочь – правильная женщина. Да только жалко ее, ничего ведь не понимала, ну и пришлось мне все объяснять...

– А у вас, Матрена Григорьевна, дети есть? – поинтересовалась Замковская.

В душе у нее боролись раздражение на Надин и признательность по отношению к старой женщине, которая не только выяснила ответ на вопрос, тревоживший Ирину, но и успокоила ее по поводу тети.

Как-то все стало более-менее понятно про Надин: и про ее чопорность, и суховатую недоверчивость по отношению к чему бы то ни было новому, и про скверный характер. И даже ее сегодняшнее «веселое» состояние тоже целиком улеглось в эти слова – «несчастливая она баба».

– Трое. – Матрена глянула на Замковскую, и той стало стыдно, как будто ее уличили в том, что она пытается проверить, по норме ли положены продукты в масленичные блины. – И внуков пятеро.

Надин пришлось уложить спать в отдельный номер. Не то чтобы Ирина боялась оставить ее с Серенькой вдвоем, нет, никакой агрессивности в поведении тети не было. Просто, если вдруг сыну чего-нибудь понадобится, вполне возможно, что она не среагирует.

Уже через несколько минут Ирина сообразила, что номер снимать было необязательно, можно было просто положить сына к себе в люкс, Гришины бойцы в два счета перетасили бы его кроватку. Да и на диване Серенька вполне бы мог уместиться, но что сделано – то сделано, и Матрена Григорьевна согласилась переночевать последнюю ночь в комнате мальчика.

Она, правда, несколько изумленно смотрела на Ирину, только сейчас поняв, что та спит в отдельном номере, а не с сыном, но промолчала, не стала говорить ничего: хозяин – барин.

Замковская приняла, наконец, ванну, поужинала в номере и опять уперлась в свою вечную вечернюю проблему – чем заняться? Правильнее всего было бы лечь спать, но эта разумная правильность не хотела реализовываться: адреналин все еще гулял по артериям и венам ее тела, и сна не было ни в одном глазу.

Она знала, чем ей нужно заняться, – читать «Письма из Энска», но упорно пыталась не замечать этого своего знания. На протяжении всего ее путешествия в Италию письма были с ней, но ей удавалось каждый раз придумывать причину, чтобы не читать – то освещение тусклое, то она слишком устала, то просто настроения думать нет.

Проблема была в том, что хотя она обещала Зуеву, да и сама хорошо понимала, что текст этот ей полезен и, возможно, даже необходим, но погрузиться в него означало как минимум две вещи.

Во-первых, опять пережить ту мучительную боль, которая захлестнула ее в прошлый раз. И, во-вторых, хотела она того или нет, письма властно говорили ей: если ты хочешь спасти

сына – ты должна измениться сама, сломать стереотипы, перетряхнуть иерархию ценностей, забыть о многом привычном и любимом.

А вот решиться, подталкиваемая к этому, казалось бы, со всех сторон обстоятельствами и людьми, Замковская никак не могла. Слишком долго она шла к этой своей спокойной сегодняшней жизни, слишком дорого за нее заплатила. И уподобиться героине этих писем, снять с себя панцирь привычек, остаться голой на ветру оказывалось для Ирины, несмотря на всю ее любовь к сыну, слишком серьезным поступком.

Если бы еще кто-то мог гарантировать победу в этой борьбе, тогда понятно – сожми зубы, закуси губу, скажи себе «Три года полного самозабвения и все – победа, сын – нормальный, здоровый человек...» Но никто – ни Зуев, ни Матрена – ничего подобного ей не обещали.

Замковская вздохнула, заставила себя взять бумаги с «Письмами» и забралась в кресло с ногами. Она отложила первый, прочитанный раньше лист, и сосредоточилась на втором, когда в дверь постучали...

11

Ирина лежала в постели, глядела в темноту широко раскрытыми глазами и вдруг поймала себя на мысли, что если бы у нее были заяц или пожарная машинка, она бы тоже сейчас с удовольствием прижимала их к себе.

Поздний посетитель оказался тем самым маленьким и свиногозым человечком, про которого местное телевидение рассказывало несколько дней назад. Охранник у входа, который пропустил его без разрешения Ирины, получил от Гриши на следующий день по полной программе. Никаких следов автокатастрофы у вошедшего видно не было, кроме неприятного голоса и омерзительной привычки обрывать и обкусывать кожу вокруг ногтей. Но, скорее всего, авария тут была ни при чем...

– Добрый вечер, добрый вечер, Ирина Николаевна, – сказал человечек, почти по-хозяйски входя в номер, – рад приветствовать вас на нашей гостеприимной земле, как, так сказать, посланницу столичных деловых кругов...

– Добрый вечер... – настороженно отозвалась Ирина. Она, вспомнив, что, судя по тексту телевизионного интервью, этот человек занимает какую-то немалую должность в местной мэрии, решила потерпеть и выяснить цель его прихода.

– Я бы мог, конечно, сделать вид, что не знаю вас, – начал гость, – и сюда меня привела только забота о проезжающих, как это было показано в классической пьесе, но не хочу выглядеть в ваших глазах ни дураком, ни плагиатором. А посему позвольте представиться: меня зовут Игорь Георгиевич, – продолжил человечек, – фамилия моя – Брушко и я являюсь заместителем главы исполнительной власти нашего богоспасаемого и прекрасного города.

– Ну, как меня зовут, вы, я вижу, знаете, только я бы хотела уточнить, – Ирина попробовала поставить все точки над «и», – никакие столичные деловые круги я здесь не представляю и оказалась в вашем городе по абсолютно частному делу.

– Мы с Арнольдом Владленовичем...

«Это, наверное, мэр» – мелькнуло у Замковской.

– ...приносим свои извинения за то, – не обращая внимания на ее слова, продолжал Брушко, – что не могли раньше засвидетельствовать вам своего почтения, но обстоятельства слишком часто управляют нами. То вас, то нас не было в городе, да и надо было сначала понять, почему это вдруг Николай Михайлович...

«А это, скорей всего, чин из губернии, если не сам губернатор», – догадалась по особенному придыханию Брушко Ирина.

– ...Распорядился срочно отремонтировать дорогу к больнице. Вы, кстати, довольны ремонтом?

– Да, вполне, – сказала Замковская, чтобы что-нибудь сказать.

Ей уже смертельно надоел этот человечек с его провинциально-витиеватой речью, с потугами на радушие и неясными целями визита. Что-то ему от нее, а скорее всего от Тимофея, было надо, только до того момента, пока он это решится выговорить, предстояло выслушать еще массу всяких сложносочиненных и сложноподчиненных предложений и перенести кучу его ужимок и прыжков.

Когда Брушко вошел, она так и осталась в кресле с ногами, ему сесть не предложила, надеясь, что так он быстрее уйдет, и Игорь Георгиевич произносил свои сладковатые монологи, прохаживаясь по ковру гостиной.

– Пока мы узнали, что это – личная просьба Тимофея Семеновича, пока выяснили, что вы уже некоторое время проживаете в нашем городе, пока примчались сюда, а вы, – Брушко театральным жестом развел руками, – оказались в отъезде...

«А ведь он врет, – подумала Ирина, – врет, как сивый мерин, не могли ребята из охраны не доложить, что меня искало местное начальство, да и, наверняка, на следующий день после нашего прибытия ему уже сообщили о дорогих гостях... Интересно, зачем это он так подставляется? Считает меня душой? И чего они с Николаем Владленовичем, или как его там, выжидали столько времени?» Это все было Замковской подумано, а вслух прозвучало:

– Да не стоило вам беспокоиться... – Она постаралась придать своему лицу выражение любезности, но сесть так и не предложила. – Я еще раз говорю, что визит наш – сугубо частный.

– Да как же может быть частным делом здоровье такого ребенка, как Сергей Тимофеевич? – Подобострастие Брушко дошло до того, что он шаркнул ножкой. – Я пришел предложить вам всяческое содействие в любой области и в любом виде деятельности, культивируемым в нашем городе. Вы только скажите, не стесняйтесь, и мы сделаем все, что требуется: кого надо – уволим, кого надо – доставим. Я слышал, у вас проблемы с няней?

«И с такой разведкой ты делаешь вид, что не знал про наше появление в твоём богоспа-саемом и прекрасном городе?» – внутренне усмехнулась Замковская.

– Могу предложить на эту должность свою дражайшую половину, – гордо сказал Брушко. – У нее, между прочим, за плечами институт культуры и курсы повышения квалификации...

Ирина безнадежно глядела на человечка. Почему-то то высокое положение, которое занимал Тимофей в стране за счет своего ума, таланта и денег, все-таки не давало ни ему, ни ей желанной свободы. Выкинуть бы этого Брушко вместе с его половиной, институтом и курсами сейчас на улицу и долго гнать пинками, чтобы не сказать более грубо.

И ведь, главное, он даже себя убедил, что его предложение не несет в себе никакого корыстного смысла. Себя, но не Ирину. Она все ждала, когда же будет предложена сделка, ждала со все возрастающим напряжением. Она сама не могла себе объяснить, что вдруг стало ее тревожить, но что-то такое было то ли в этом нелепом госте, то ли в ней самой. «Адреналин», – сказал бы, наверное, Тимофей и, как всегда, оказался бы прав.

Но ведь адреналин не ударяет ни с того ни с сего. Опасность, напряженное ожидание, радость, наконец... Но это чмо недоделанное не вызывало в ней никаких эмоций, кроме, разве что, скуки.

А «чмо», так и не дождавшись ответа на свое предложение, вдруг зло сверкнул глазами и собрался откланиваться:

– До свидания и спокойной ночи, Ирина Николаевна, – сказал он сладким голосом, чересчур, пожалуй, сладким. – Помните, пожалуйста, что мы с Арнольдом Владленовичем всегда в вашем распоряжении, как и весь наш город, впрочем... И я с супругой, и Арнольд Владленович со своей в любое время ждем вас в гости. А в эти выходные – просим на шашлык, в загородный домик, это уж обязательно...

– Простите, – она задумалась, вспоминая имя гостя, да так и не смогла вспомнить, – но только в эти выходные мы с сыном едем в Москву навестить отца. Все-таки больше двух недель не виделись...

И хотя это была совершеннейшая правда, Брушко не поверил сказанному ни на секунду, а решил, что его просто выставляют за дверь. Он, для порядка, соорудил грустно-радостную физиономию и завопил:

– Ну, конечно, конечно, Ирина Николаевна, – запричитал он, – первым делом – семья: муж, дети... Но уж в следующее воскресенье не отвертитесь...

И, поцеловав ей руку, наконец, отбыл.

Замковская взяла отложенную страницу.

«Сегодня Машка по мне, как по бревну, сползала на пол без особых проблем. Это огромное достижение – сползти вниз».

«Потихоньку пробуем лепить и рисовать на дверях красным карандашом. У нее в последнее время появились такие «щепотки» из пальчиков, порой мешающие что-то взять. В эти щепотки удачно вкладывается карандаш и ведется длинная-предлинная дорога».

«Мы с Кроликовым становимся похожими друг на друга. Я, из-за постоянства игры с ней рядом и отражения ее самой, ловлю себя на мысли, что и находясь в другой комнате я продолжаю отражать и жить на ее волне. Мы с ним укрепляем симбиотические связи: стали понимать друг друга практически с полуслова».

Ирина встала, отложила листки. Все-таки она не могла читать ЭТО помногу, похоже, просто не хватало характера.

«Интересно, замужем она или нет и какие отношения с мужем? – думала она, укладываясь, – Надо будет завтра спросить Зуева про это и еще, что она имеет в виду под симбиотическими связями».

Замковская сегодня почему-то чувствовала себя неуютно под легчайшим и теплым пуховым одеялом, которое специально прислал Тимофей. Не холодно, а неуютно. Из-за писем? Из-за визита? Из-за Надин?

Внезапно она поняла, кого напоминал ей «представитель городской исполнительной власти» – Коровьева из «Мастера и Маргариты». Почему-то это открытие успокоило ее, потом всплыла вдруг легкая досада на себя за то, что так и не поняла смысла визита Брушко, но Ирина уже заснула.

12

Говорят, что женский алкоголизм страшней мужского и если дама всерьез начинает пить, то остановить ее просто невозможно. А если эта женщина – русская, следовательно, ни в чем меры не знающая, да, кроме того, интеллигентная, то есть знающая достаточно умных слов, чтобы убедить себя в том, что черное – это белое, а закат солнца – это как раз и есть его восход, то тут вообще кричи караул...

В редкие минуты просветления Надин с изумлением рассматривала себя в зеркале и клялась Замковской, что больше ни-ни. Ирина хотела отправить ее домой с еженедельной машиной, курсировавшей между гостиницей и их домом в Барвихе, но потом, поддавшись уговорам Матрены, согласилась оставить до выходных, о чем теперь жалела.

На самом деле ей гораздо больше нравилась новая «тетя», чем прежняя. Оказывается, внутри этой, закованной в лапы педагогических и медицинских знаний, женщины жила нормальная баба со своей тоской и нерастраченной нежностью. Оказывается, она действительно любила Сереньку, а не просто пыталась с его помощью доказать свои научные выкладки. Оказывается, не зря она называла себя Надин, потому что французским она владела в совершенстве, что было не очень заметно в Париже, где ее заклинило и она просто не могла вымолвить ни слова на заграничном языке.

Кроме того, у тети обнаружился красивый и довольно сильный голос, которым она вполне сносно целыми днями напевала песни из репертуара Джо Дассена и Мирей Матье. Все это было очень здорово, но...

Но доверить сына полупьяной женщине Ирина все-таки побаивалась, к тому же Надин вдруг начала заигрывать с охранниками, а потом перешла и на местных жителей, чем привела Замковскую уже в полное возмущение.

Она никак не могла понять, когда «тетя» умудрилась превратиться из интеллигентной женщины в запойную алкоголичку. Ирине казалось, что та просто валяет дурака.

Допрос, проведенный в один из редких просветов, дал странный ответ. На прямой вопрос Замковской:

– Надин, что случилось, почему вы пьете?

Тетя вздохнула, посмотрела куда-то вдаль и сказала:

– Нравится...

С детства ненавидящая пьянство, Ирина нашла все-таки в себе силы вежливо спросить:

– А раньше?

– А раньше я и не знала, что может быть так хорошо, – честно призналась Надин, продолжая глядеть куда-то вдаль.

Хоть и не запойная, все равно не понятно, что с ней дальше делать.

Матрена, виновато глядя на Замковскую, каждое утро и вечер являлась покормить и поиграть с Серенькой. Она уже ничего не говорила в свое оправдание, но и денег за визиты брать отказалась категорически.

Доктор Ирине с Серенькой съездить в Москву повидаться с Тимофеем разрешил, но предупредил, что лучше всего, если они вернутся в понедельник к занятиям, а в субботу и воскресенье не будут делать перерыва в попытках научить Сереньку катать машинку по полу, а не хватать ее и прижимать к себе. Никакого прогресса на эту тему пока видно не было.

На вопрос о муже женщины из Энска он посоветовал Ирине дочитать письма, в которых содержатся, по его мнению, ответы не только на этот, но и еще на множество могущих у нее возникнуть вопросов.

А про симбиотические связи сказал:

– Видите ли, Ирина Николаевна, у многих детей, которым мы пытаемся помочь, в большей или меньшей степени поражен мозг, и одна из наших задач состоит в том, чтобы найти ему какую-нибудь замену. В лучшем случае это оказывается те, другие, непораженные участки мозга, которые берут на себя функции больных, помните, мы с вами об этом говорили...

Замковская кивнула.

– Гораздо чаще срабатывает другая схема, которая, кстати, обычно является и ступенью на пути к замещению функций одних участков мозга другими. Это когда вместо ребенка работает мозг взрослого человека. Нам иногда, да что там говорить, довольно часто удается подобрать к ребенку в пару педагога или врача, создать симбиотическую пару, где ребенок начинает как бы пользоваться способностями взрослого.

– Но ведь тогда получается, – почти закричала Замковская, – что их никогда нельзя будет разделить, ваши сотрудники должны усыновлять или удочерять всех пациентов, с которыми они образуют эти ваши «симбиотические пары»! Вы же, выходит, просто воруете детей!

– Пожалуйста, хотя бы немного умерьте ваш праведный гнев, Ирина Николаевна, – невозмутимо сказал Зуев.

Они шли по дорожке запущенного парка вокруг больницы, направляясь к какому-то неведомому Ирине месту. Снега вокруг еще не было, но осень уже фактически кончилась, отступила – последними часовыми ее остались немного желтых и красных листьев на кленах да незамерзшие лужи под ногами.

Верный Гриша топал чуть сзади, сопровождая «охраняемую». Он и успел поймать выскокившую вдруг из-за куста сумасшедшую Машу:

– Тили-тили-тесто, жених и невеста, – радостно продекламировала она, не обращая внимания на могучие руки, держащие ее в объятиях.

Ирина досадливо отмахнулась, Алексей Михайлович, казалось, вообще не заметил появления сумасшедшей, а Гриша, подержав ее несколько секунд, убедился, что причин для тревоги нет, покачал головой и поставил обратно на землю.

– Увы, он счастья не ищет... – запела Маша и понеслась на всех парусах в сторону главного корпуса, – и не от счастья бежит...

– Сядем, – сказал Зуев, показывая на скамейку, стоящую на краю склона, уходящего вниз к реке.

– Красиво тут, – невольно выговорила Замковская.

Появление Маши, спокойствие Алексея Михайловича и ненавязчивое очарование зимнего пейзажа (на той стороне реки снег уже почему-то лежал) поумерили ее пыл, и она, как оказалось, вполне могла не только сердиться, но и слышать собеседника.

– Никто никого не ворует. – Зуев начал точно с того места, где прервался их разговор. – Во-первых, тут действует некое правило, которое я бы назвал «правилом несгорающей цифры». То есть, развиваясь в этом симбиозе, ребенок действительно резко откатывается назад, когда связи рвутся. Но если достигнут определенный уровень этого развития, то он становится, как в известной телевизионной игре, в каком-то смысле несгораемым, движение назад на этом уровне прекращается. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Надеюсь, что да, – отозвалась Ирина. – Получается, что есть в восхождении на гору некоторые площадки, поднявшись на которые ты уже плотно на них закрепляешься и назад не катишься...

– Ну, если вам такое сравнение нравится больше – пожалуйста. – Алексей Михайлович удовлетворенно кивнул. – И, во-вторых, пара ребенок – педагог создается здесь, в больнице, потому, что взрослый, врач или педагог, знает, что делать и имеет мужество и терпение для этих действий. Никто и никогда не возражал бы, чтобы эти пары дополнительно создавались бы и дома между матерью и ребенком. Только этого практически никогда не случается. Мамы

или слишком заняты, или не понимают и не слышат то, что им говорят, или слишком сильно любят своих драгоценных детей и боятся причинить ребенку, как им кажется, вред.

– Ну, зачем же вы так, Алексей Михайлович, – негромко проговорила Ирина. – Мне кажется, что это так естественно – любить и жалеть своего ребенка...

– Естественно любить и жалеть своего ребенка, а не себя и не свой покой, – жестко сказал Зуев. – А мы, к сожалению, слишком часто путаем эти понятия. Потом, я все-таки не точно сказал: обычно пара мать – ребенок есть просто по условию, но далеко не всегда она работает с нами, чаще против нас. Матрена вам еще нужна? – он резко сменил тему.

– Да, моя няня вдруг запила и, по-моему, вот-вот загуляет, – усмехнулась Замковская.

– Такое случается. – Алексей не поддержал ее насмешливого тона. – Человек всю жизнь носит маску, и вдруг что-то происходит, маска сваливается, и выясняется, что внутри он совсем другой... Забавнее всего, – он невесело усмехнулся, – когда этому больше всех удивляется он сам.

13

В субботу вечером Ирина ужинала с мужем в кабинете итальянского ресторана, они мило болтали о том о сем и пытались понять, исподволь разглядывая друг друга, что изменилось в их отношениях.

В Италии, при той сумасшедшей гонке, которую устроил вице-премьер, они фактически не успели пообщаться, посмотреть друг другу в глаза, хотя напряжение какое-то начало проявляться уже тогда. Только Ирина гнала его от себя, стараясь думать, что это – временное, вызванное усталостью явление, которое пройдет, стоит только выспаться и провести с мужем ночь, а лучше три...

Но вот сегодня оба выспались – выехав в пятницу вечером, они с Серенькой к полуночи были в Москве, а поднялись утром тогда, когда захотели, Тимофей отменил все звонки и встречи и лежал утром в постели, после как раз такой ночи, о которой Ирина мечтала, вдруг засмеялся и сказал:

– Ты, Иркин, наверное, самая дорогая женщина в мире, твой сегодняшний визит, читай – мой отключенный телефон, уже обошелся нам в сорок одну тысячу долларов...

Она некоторое время лежала, раздумывая, обидеться или нет. Реплика была не из изящных, слов нет, и реагировать на нее можно было по-разному. Можно было обидеться и сказать, что настоящая женщина не оценивается в деньгах, можно было устроить сцену, сделав вид, что муж назвал ее проституткой, можно было свести все к шутке, добавив, чтобы в следующий раз он предъявил ей счет, который она непременно оплатит. Можно было много разных вариантов найти...

Но она вдруг почувствовала, что совсем не хочет играть в какие-то игры, которые раньше всегда так увлекали ее, даже такие затейливые, даже с таким достойным партнером, как Тимофей, который, возможно намеренно сказал такую неуклюжую фразу, провоцируя ее на своеобразный словесный танец. Ирина вдруг повернулась к мужу, схватила его большую, лохматую голову и прижала к своей груди:

– Эх ты, бизнесмен Урюпинский, – засмеялась она и погладила его по шевелюре, – даже в постели с любимой женщиной деньги считает...

Тимофей дернулся, потом затих, и она вдруг почувствовала, как его мягкие губы касаются ее груди.

– И вовсе я ничего не считаю, – услышался голос мужа, слегка приглушенный, потому что касания не прекратились, – я просто хотел предложить довести эту цифру до совершенства. Как тебе нравится пятьдесят? Или лучше шестьдесят? Нет, есть еще лучше – семьдесят пять. Короче, я предлагаю закатиться сейчас куда-нибудь по бутикам, купить тебе что-нибудь красивого и остромодного, а потом ужинать в наш итальянский... Принимается?

Ирина лежала несколько секунд молча, играя рыжеватыми волосами мужа. Иногда ей казалось, что у него все-таки есть любовница, так было положено в их кругу, иногда она была в этом просто уверена, но в такие минуты, слыша такой его голос, она начинала думать, что все-таки ошибается.

Ей совершенно не хотелось, сейчас, во всяком случае, никуда идти, она, конечно, с удовольствием чего-нибудь нового себе прикупила, да и просто побродить с Тимой по магазинам – немалое удовольствие. У него был острый глаз и хороший вкус, и она уже несколько раз замечала, что лучшие, наиболее идущие ей комплекты она выбирала вместе с ним. Не оценить его порыв она не могла, но не сейчас, позже, когда она навалится в постели, набродится по дому, просто наерошит ему волосы. К тому же был еще один важный момент:

– Только не сейчас, – сказала она и подергала мужа за ухо, – сначала мне надо кое-что сделать... Пойдем к Сереньке...

Вчера, когда они ночью приехали, встречать Ирину с сыном выстроилась вся многочисленная домашняя команда. Две горничные, помощник Тимофея, секретарша, охрана дома, кроме тех, кто был на постах, повар, садовник, официантка – стояли вдоль стены и смотрели на Гришу, который бережно нес Сереньку. Мальчика в доме любили и жалели все.

В руках у него теперь кроме зайца была еще и красная пожарная машина, и это заметили тоже все. Глаза мальчика были привычно прикрыты, поза – та же, что и всегда, но кроме новой игрушки была еще одна перемена, которую зафиксировали уже очень немногие – пальцы Сереньки не были неподвижны, они медленно шевелились, ощупывая непривычную, неровную поверхность.

Отец не заметил этого и потому спросил:

– И где ты видишь изменения? Чем машина лучше зайца?

– Я тебе, Тим, завтра объясню, когда он отдохнет, ладно? – попросила мужа Замковская.

И вот это «завтра» наступило. Ирина вдруг с ужасом подумала, что Матрены здесь нет, и если Надин опять пьяна, то Серенька может оказаться просто голодным. С постели ее сдуло, как ветром, и, едва запахнув халат, она, не обращая внимания на мужа, понеслась в детскую.

Но все оказалась в порядке, сын – накормлен и переодет, а Надин – на ковре в привычной позе. Ирина, тяжело дыша – до детской было два этажа и восемь дверей, остановилась на пороге, постепенно приходя в себя.

– Так объясни мне, пожалуйста, Иркин, – слышался из-за ее плеча голос тоже запыхавшегося Тимофея, – чем все-таки новая пожарная машинка лучше старой плюшевой игрушки?

– Смотри внимательно...

Надин как раз забрала у Сереньки машинку. Мальчик немедленно отправился в свое бесконечное путешествие, а тетя, изловчившись и бормоча какие-то ласковые слова (Тимофей, показав глазами на нее, даже подмигнул жене), поставила на его пути игрушку и потянула за веревочку.

И тут Бог послал им маленькое чудо. Машинка начала отъезжать, Серенька протянул руку, но игрушки на этом месте не оказалось. А оказалась вторая, свободная, веревочка. Пальцы мальчика невольно сжались, и он, не заметив того сам, схватил бечевку, которая вдруг начала вырываться из его рук. Затем он непроизвольно протянул руку к себе и... машинка поехала к нему. Серенька издал какой-то невнятный звук, Надинхватило ума потихоньку ослаблять веревку. Но как только мальчик ослабил тягу, она тут же потянула машинку к себе. Серенька опять напрягся, потянул – и машинка поехала к нему. Тетя улучила момент и опять потянула за свою веревочку.

Они играли!

– Ты понял? – радостно обернулась к мужу Ирина.

Тимофей недоуменно пожал плечами.

И вот всю дорогу, пока они гуляли по магазинам, пока добирались до ресторана, пока ужинали, Замковская пыталась объяснить мужу идеи доктора Алексея Михайловича Зуева и как он сам, его сотрудники и понимающие родители пытаются претворять их в жизнь.

Муж слушал с интересом, кивал головой, задавал дельные вопросы. Но Ирина все время чувствовала, как растет непонятное ей напряжение, как закручивается какая-то пружина, грозящая, когда ее отпустят, разнести все в пух и прах.

– Все-таки женщины – удивительные существа... – Тимофей добавил в бокал жены молодого божоле, и рука его чуть дрогнула. Стоящий невдалеке официант мгновенно вытер салфеткой невидимую каплю. – Ты даже не заметила сегодня, какой дивный каламбур выдала в магазине.

– Да? О чем ты?

– Мы вошли, и ты сказала: «Хочется купить себе чего-нибудь черного», вспоминаешь?

– Конечно. А что было потом?

– Потом... – Тимофей намазал на хлеб немного гусиного паштета, – потом я спросил у тебя: «Зачем же ты идешь к стойке, на которой все вещи белые?»

– И что я ответила?

– «Ну, или что-нибудь белое...»

Они рассмеялись, делая вид, что обоим весело.

– Скажи мне, а какой он, этот Зуев? – вдруг спросил Тимофей. – Высокий, низкий, толстый? Лысый?

– Зуев? – Ирина отложила вилку, нечаянно задев край тарелки. – Нормальный, обычный. Сутулый несколько и в сильных очках...

– Знаешь такую картину, по-моему, у Леонардо «Дама с горностаем»? – спросил Тимофей, откидываясь на спинку стула. – Там такая дивной красоты женщина держит на руках противного зверька. И все было бы замечательно, если бы не ее руки – хищные и старые. Тебя тоже выдают руки, ты сегодня все время что-то задеваешь, цепляешься, и, значит, тебе – беспокойно...

14

Она молча глядела на Тимофея, ожидая продолжения. – У тебя с ним роман? – спросил он беззаботным тоном.

– С кем? – не поняла Ирина.

– С Зуевым.

– С Зуевым?

– Ты, я вижу, специально тянешь время, чтобы найти что ответить...

Теперь он сидел, чуть наклонившись вперед, и по их положению возле стола со стороны было хорошо заметно, что в этом разговоре он снизу и всем командует Ирина. Но она-то этого видеть со стороны не могла.

– Тебе помочь? – участливо спросил Тимофей. – Придумать какую-нибудь версию для самооправдания? Например, так: «Он спасает нашего сына»? Или «Мне было так одиноко, я так остро переживала нашу разлуку, что...» Или...

– Тим... – прервала его Замковская. Она так растерялась, что не знала, что и сказать. – Ты знаешь, я бы обиделась, если бы мне не доставило счастья ощущение того, что ты можешь так меня ревновать.

Лицо ее действительно сияло.

– Ты у меня совсем дурачок? – тихо спросила Ирина и потянулась к шевелюре мужа.

Один из охранников, сидящих в зале, открыл дверь кабинета, в руке его был мобильный телефон:

– Вас, – с легким полупоклоном сказал он, – Герасименко, вы предупреждали, что он будет звонить на мой телефон и чтобы его соединить с вами.

– Извини, это нельзя отложить. – Тимофей почти виновато посмотрел на жену и взял трубку. – Да, Виталик. Понял, понял... Получилось? А что Стючелов? – он смешно произнес эту фамилию с ударением на последнем слоге, на манер «птицелов» или «крысолов». – Все отдал? А теперь в шею его гоните ссаным веником...

Он отключил телефон и победно посмотрел на жену:

– Есть: Гроховский завод теперь мой.

– Много денег заработал? – включилась она.

– Пока истратил. Но этот паршивый заводик – единственный у нас, кто в состоянии производить нужные мне детали. С ним цепочка выстроилась полностью и вся – от руды до готовых агрегатов принадлежит мне.

– А кто такой Стючелов? Какие «стючи» он ловит и зачем?

Почему-то ей было важно поддержать этот разговор. Может, она хотела дать мужу возможность прийти в себя после сцены ревности?

– Это бывший замдиректора Гроховского завода, – почти пропел Тимофей. – Когда мы начали искать, как туда подобраться, оказалось, что он – слабое звено. Мы дали ему немного денег, и он отдал свои акции, добавили еще, и он, представляешь, сделал своей любовницей жену директора завода, а тот, дурак старорежимный, все свои акции на нее оформил. Он на нее, она на Стючелова, тот на нас... Не бесплатно, конечно... Но все равно не хватало немного до контрольного пакета, и мы ему пообещали, что он станет новым директором. Тогда ловец этих твоих «стючей» с нашей помощью отправил нынешнего директора в командировку, а сам собрал коллектив и объявил, что надо создать фонд из акций и заложить их в банк, чтобы получить ссуду. А поскольку зарплаты на заводе не было уже полгода, а водки пролетариату хочется всегда, все принесли свои бумажки и с сегодняшнего дня – завод мой. Вот такие замечательные «стючи» у господина Стючелова...

Похоже, это многократное повторение ее шутки он использовал, чтобы просигнализировать о своем желании помириться.

– Но ведь вы его обманули, Тимоша... – Ирине вдруг стало жалко неведомого Стючелова, несмотря на его стопроцентную омерзительность, – Мне казалось, что ты никогда не обманываешь.

– Ничуть его никто не обманул. – Тимофей поднял палец, – Потому что должность директора ему обещал не я, а один из моих замов, который у меня не работает. – он посмотрел на свой наручный хронограф, – уже девять часов. А работает он, это я тебе по секрету скажу, – генеральным директором «Тимоти Трэйд Корпорэйшн».

– Но это же твоя фирма?

– И кто об этом знает?

Ирина помолчала. Потом почувствовала, что не все еще они выжали из этой ситуации, надо было дать мужу еще возможность погарцевать.

– И куда он, Стючелов этот, теперь подается? – спросила она.

– Не знаю, да и знать не хочу, – отрезал Тимофей. – Крыс не люблю...

– А пролетариат?

– Пролетариат? – Он сложил трубочкой губы, профу-фукал какую-то мелодию. – Повоюют немного, стекла побьют, но, когда мы завезем новое оборудование и откроем завод, все желающие, милости просим, смогут придти и зарабатывать настоящие деньги, а не филькины записи в ведомостях. А кто не хочет работать – пожалуйста, в канаву или под забор.

Он вдруг посмотрел на нее и улыбнулся:

– Прости меня, Иркин...

– Да я уж и не помню ничего...

Телефон охранника на столе противно замяукал. Надо было обладать особенным и редким вкусом, чтобы выбрать себе эту мелодию. Тимофей взял мобильник двумя пальцами, как дохлую мышь и понес на выход. В дверь навстречу ему просунулась голова испуганного охранника:

– Извиняюсь.

Он схватил телефон, нажал на зеленую кнопку и приложил к уху. Голова его исчезла за дверью, но тотчас появилась опять:

– Тимофей Семенович, это вас...

В его голосе Ирина услышала тревожные ноты.

– Я, по-моему, русским языком сказал, – неприятно улыбаясь, муж повернулся к охраннику, – что я буду разговаривать только с Герасименко. Или вы не понимаете по-русски?

– Это из дома, Тимофей Семенович, – голос охранника дрожал, – у них там проблемы: пропала Надин...

Хорошо, что это был вечер субботний, а Тимофей – не только богатым человеком, но и сенатором, и на номере его машины вместо региона красовался бело-сине-красный флажок. Машину охраны задержали на первом же посту ГАИ и, хотя у них был пропуск, разрешающий многое, но на его предъявление ушли секунды, а за это время Тимофей и Ирина были далеко.

Александр, старший сегодняшней смены охраны, страшно ругался на переднем сиденье, кричал, что позвонить мог кто угодно, что это может быть просто подстава, что нельзя отрываться от второй машины, но скорость водителю снижать не позволял, только держал руку в кармане наготове.

Все обошлось. Они не перевернулись на повороте, в них не стреляли из кустов и не перегораживали им дорогу тяжелой фурой. И даже Серенька оказался накормлен и уложен спать. Отличился Гриша, которому помогла одна из горничных.

– Я хотел и с машинкой поиграть, как доктор велел, – прогудел он. – Да только я у него ее отнимаю, а он вцепился, не отдает, я и пожалел, не стал...

Новая «няня» получил от Тимофея премиальные, от Ирины – поцелуй в щеку и ушел спать, а родители, заглянув в детскую, отправились в гостиную – придти в себя после бешеной гонки.

– Я ее убью, – сказал Тимофей, налив себе и жене по рюмке ликера и подойдя к ней, сидящей с ногами в мягком кресле. – Завтра же найду и убью. И наплевать мне на всех ее родственников.

– Она не заметит, – усмехнулась Замковская.

– Правда? А я ведь тебе не поверил с утра, мне она показалась абсолютно нормальным человеком.

– Может быть, она и есть сейчас нормальный человек, только другой, нам с тобой непривычный.

Тимофей с сомнением покачал головой.

– Не знаю, не знаю... Понятно только, что теперь придется искать другую няню, я ей больше Сереньку доверить не смогу.

– Не надо, не ищи, – вдруг сказала Ирина. – Я хочу попробовать сама.

15

Прошло две или три недели. Зима победила: как-то ночью снег форсировал реку и не закрепился на плацдарме, как полагается по всем учебникам тактики, а сразу захватил всю территорию. Наступило то блаженное время, которое бывает только два раза в году, когда Бог на несколько дней отвращает свой гнев, проявляет милость и покрывает всю ту гадость, что мы творим на этой земле, в начале зимы снегом, а весной – веселыми зелеными листьями и травой.

И много всякого важного и не очень произошло за эти дни. Сумасшедшая Маша где-то раздобыла новую телогрейку и теперь страшно форсила в новом наряде. У Алексея Михайловича появился неожиданный пациент – двадцатичетырехлетний Аркадий. Он был децепешником, то есть страдал детским церебральным параличом и мог самостоятельно управлять только одним пальцем левой руки. Аркаша оказался хорошим парнем, голова работала замечательно, и своим единственным послушным пальцем он умудрялся лихо разбираться с компьютером. Несмотря на то, что отделение называлось детским, Зуев больного взял и начал активно с ним заниматься.

Ваня, сын Лаврухи, продолжал всех расстреливать из своего водяного пистолета, но ничего не произошло, и говорить он так и не начал.

Сам Лавруха чуть не погиб. В очередной раз напившись до свиней, он заснул там, где стоял, – на тротуаре, и точно замерз бы, если бы не Зуев. Доктор возвращался откуда-то поздно вечером и наткнулся на бесформенную кучу, в которой только наметанный глаз мог найти сходство с человеком.

Поскольку Алексей Михайлович понятия не имел, где точно живет Лавруха, ему пришлось тянуть здорового бугая по снегу почти триста метров до больницы. Зуев жил в маленьком одноэтажном домике на территории за главным корпусом. Он бы рад был оставить Лавруху на попечение санитарок, но точно знал, что у тех трех с половиной старух, которые дежурили сегодня ночью, времени и так нет, и значит, выхаживать «пейзана» будут за счет кого-то из реальных больных. Лавруха дышал ровно, видно, не успел еще промерзнуть, никаких видимых признаков травм у него не было, и Зуев просто бросил его спать в коридоре. Наутро «пейзан» пропал вместе с новой зимней курткой Алексея Михайловича.

«Неговорящая» Лиля тоже так и не заговорила пока. Она подружилась с рыжеволосой куклой Гертрудой, общалась с ней как-то по-своему, но ни единого звука так и не издала.

– Объясните мне, пожалуйста, ваш метод, – попросила как-то Замковская Алексея Михайловичем, – как вы собираетесь заставить говорить Лилечку и этого придурка?

– Ирина Николаевна, – Зуев болезненно поморщился. – Я понимаю, когда вы интересуетесь тем, что мы пытаемся сделать с вашим сыном, было бы странно, если бы было не так. Но чем объяснить ваши вопросы про других детей, которые для вас – «придурки»?

– Извините, Алексей Михайлович, – Замковская даже покраснела. – Я не хотела никого обидеть, но он тут носится, всем мешает. Не знаю, как вы его терпите.

– Я, по-моему, как-то говорил вам, – Зуев пожевал губу, – что у них у обоих одна и та же проблема – они не позволяют себе говорить. Что-то удерживает их во внутреннем страхе, какая-то стена, и эту стену нужно взорвать, разрушить. Нам нужно создать ситуацию эмоционального стресса, чтобы стена не выдержала.

– В теории понятно, – кивнула Ирина, – но на практике – не очень... При чем тут куклы?

Они сидели в кабинете Зуева, Гриша подпирал косяк несуществующей двери, а в «большом» зале педагоги учили детей ритмично бить в бубен. Каждый малыш отбивал свою часть музыкальной фразы, а затем должен был передать инструмент дальше. С музыкой было все более-менее в порядке, а вот с передачей получалось не у всех.

– На практике... – усмехнулся Зуев. – Ну ладно, когда Лиля еще больше прикипит к Гертруде, мы уберем куклу из комнаты.

– Но это жестоко.

– Молодец, – устало сказал Алексей Михайлович, – вы прекрасно разбираетесь в детской психологии. Ей будет больно, и есть шанс, что этот шок, боль сломают стену и она закричит, заплачет.

– А если не закричит? – тихо спросила Замковская.

– Значит, мы будем выстраивать новую ситуацию, погружать ее в какую-то другую среду, а потом опять ломаем все.

– А пистолет? Вы его тоже отнимете у... у мальчика?

Ирина так и не смогла вспомнить его имя.

– Нет, – Зуев невесело усмехнулся, – мы пробовали, Ваня просто замыкается и садится в уголке.

– Тогда зачем пистолет?

– Просто это единственный предмет, который его как-то привлекает. Вот Лиля сразу пошла к куклам, а Ване мы это занятие подыскивали полтора месяца, и теперь надо придумать, как использовать эту игру.

– А Серенька? – Ирина, последние несколько минут глядевшая в пол, подняла голову. – Что вы будете отнимать у него?

– С Серенькой все сложнее. – Зуев неожиданно погладил Ирину по руке, потом испугался своего жеста и полез в карман. Достал оттуда цепочку из скрепок и начал перебирать их, наподобие четок. – Вам, когда вы приехали, мы не задали одного вопроса, который задаем всем и всегда, – что вы ждете от нас, от нашей больницы?

– А почему не задали?

– Во-первых, потому что вы ничего не ждали, – вопрос почему-то развеселил Алексея, – а во-вторых, это было ниже вашего достоинства отвечать на глупые вопросы. Поэтому я спрашиваю сейчас: что вы ждете?

– А теперь я спустилась на землю и ваши глупые вопросы уже кажутся мне умными? – ехидно спросила Ирина.

– А теперь вы просто тянете время, не зная, что сказать.

– Нет, – Замковская покачала головой, – перспективу обрисовали вы сами почти месяц назад. И теперь, как я понимаю, мы движемся по проложенной вами дороге. Не очень, правда, успешно.

Действительно, Серенька, который уже давно научился катать машинку от себя и к себе, никак не хотел делать этого справа налево или наоборот. Ни постоянные попытки Матрены здесь, в больнице, ни многочасовые игры дома с Ириной ни к чему не вели – мальчик не хотел двигать игрушку вокруг себя.

– Вы мне так и не объяснили, Алексей Михайлович, зачем это нужно, чтобы он катал машинку таким образом.

– Когда он научился катать ее вообще, она стала для него предметом, иным, не собою, внешним событием... А следующая наша задача была – объяснить ему, что существует он сам, вот для этого и нужно, чтобы он играл машинкой вокруг себя.

– А он что – не знает? – удивилась Ирина. – Да и как обычная машинка этому поможет?

– Человек, когда оказывается в центре круга, всегда ощущает себя именно центром круга, – объяснил Зуев, – А это, в свою очередь, заставляет его переживать свое существование, как что-то отдельное. Но, похоже, я был неправ...

– В чем? – Замковская еще не успела до конца понять и прожевать предыдущую фразу, а тут еще это.

– Вы не помните, Ирина Николаевна, что Серенька начал делать раньше: ползать или сидеть?

Она ошарашенно смотрела на Зуева:

– Н-не помню... А это имеет значение?

– Похоже, что немалое... Кажется, что здесь вот такая история... – Алексей Михайлович откинулся на стуле, сцепил пальцы на затылке. – Это пока гипотеза: все дети по непонятной причине делятся на сидящих и ползающих. И, возможно, сидящие играют справа налево вокруг себя, а ползающие – от себя и к себе. Это не хорошо и не плохо – просто два разных типа психики. И, если я прав сейчас и Серенька – сидящий, то мы напрасно тратим время.

– И что же мы будем делать теперь? – Замковская не успевала за ходом мысли Алексея Михайловича. – Столько времени зря истрачено.

– Ну, это как считать. – Зуев насмешливо посмотрел на нее. – Впрочем, если вы считаете, что все впустую, приношу свои извинения. А насчет того, что делать дальше – посмотрим, что можно сделать. Есть у меня некоторая программа, но это пока скорее идея, а не руководство к действию... Дайте мне день-другой.

Ирина улыбнулась в ответ и вдруг поймала себя на мысли, что Тимофею не надо было говорить о ее романе с Зуевым. Ей вдруг показалось, что, возможно, он тогда неосторожно выпустил джина из бутылки...

16

А вообще все это время дни Замковской складывались однообразно. Она вставала рано, кормила сына, потом следовал утренний цикл игр, и они ехали в больницу. Возвращались, ужинали – и опять игры. Каждый день они созванивались с Тимофеем, Ирина честно рассказывала об успехах, а в последнее время, скорее, «неуспехах» сына, муж подбадривал ее и рассказывал о своих обычно успешных делах. Напряжение после их с Серенькой визита в Москву, по ощущению Замковской, спало. Во всяком случае, даже намек на ссору в этих телефонных разговорах ни разу не проскользнуло. И слава Богу...

По вечерам перед сном Ирина начала читать сыну сказки. Серенька лежал отрешенно, не проявляя ни удовольствия, ни гнева, но каждый вечер полчаса посвящались этому, казалось бы, бессмысленному занятию.

Потом начинался урок самообразования – чтение «Писем из Энска». Замковская в один из вечеров прочитала их все, в один присест, проревела полночи, а потом решила сделать это еще раз внимательно, с карандашом в руках, выписывая наиболее важные с ее точки зрения куски.

Никакого высшего образования за ее плечами не было, никто и никогда не учил ее делать конспекты или рефераты, здесь она «изобретала велосипед», поэтому выписки получались отрывочными и бессистемными.

Кстати, идею постоянно читать Сереньке сказки Ирина почерпнула именно из этих писем.

На второй или третий день такой работы, Замковская вдруг поняла, что с самого начала все делала неправильно. Записи ее явно делились на несколько категорий или тем. Поэтому она переписала все на отдельные листочки, решив, что потом разложит их по этим самым темам, название которых вот так быстро не приходило в голову и не формулировалось.

В этот вечер, закончив делать выписки с последней сорок восьмой страницы, Ирина с жалостью отложила листки. Она уже привыкла, что каждый вечер встречается и общается с этой мужественной женщиной, привыкла слышать ее голос, который иногда давал ей советы, иногда сердился и ругал за лень и нерадивость. А иногда Ирина позволяла себе всплакнуть вместо автора, у которого сил на это зачастую просто не оставалось.

Замковская встала, прошлась по комнате, посмотрела на мир через окно. Она немного приврала в тот раз Алексею Михайловичу. Действительно, увидеть ее гуляющую по номеру было довольно трудно – это правда. Но она сама, прислонившись лицом к стеклу, видела вдалеке силуэты деревьев, огни далеких домов и иногда одинокую луну, бегущую по каким-то своим, неведомым Ирине, делам.

Ей почему-то вспомнились пронзительные строки Лермонтова, выученные давно, еще в детстве. Она тогда не обратила на них внимания, а вот, оказывается, они жили в ней все это время.

Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Печальные огни печальных деревень.

Замковская как-то в принципе не любила этого поэта и не очень понимала, как можно «скакать в телеге». Да и, скорее всего, в последней строке не могло быть подряд двух «печалей», здесь память ее подводила, но...

Но, вместе с Тимофеем изъездив полмира, и не раз ночью ехавшая и на поезде, и на машине по разным странам, почему-то Ирина эти строки воспринимала как портрет именно России. Может, потому, что нигде больше огни деревень не были печальны...

Она вернулась к своему креслу, забралась в него, как привыкла, с ногами и начала раскладывать пасьянс из листочков с выписками.

«Страхи периодически как-то резко отмирают. И тогда она за счет своего настроения делает больше, делает сама. Получается маленький проблеск-скачок. А в моменты проблесков я вообще стараюсь ее не трогать. Кроликов на нашем пути руководит на самом деле, а не я».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.